

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**4(6)
2015**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Серия «Юридические науки»

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014 г.

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Журнал является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

© ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых», 2015

Технический редактор

С. В. Шумов

Автор перевода

Я. В. Зайчиков

Верстка оригинал-макета:

С. В. Шумов

На 4-й полосе обложки размещена фотография Е. Осиповой

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

*Адрес учредителя:
600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87*

*Адрес редакции:
600005, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8,
ауд. 203*

*Адрес электронной почты:
vestnikvlg.u.pravo@mail.ru
тел.: +7 (4922) 47-76-01*

Подписано в печать 25.12.2015

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 11,86

Тираж 1000 экз.

Заказ № 5/12

*Отпечатано
в ООО «Издательство
"Шерлок-пресс"»
600001, г. Владимир,
ул. Студеная гора, 3ба*

Редакционная коллегия серии

«Юридические науки»

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>З. А. Аскеров</i>	кандидат юридических наук, Ph D, профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырёв</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Е. Е. Каймульдинов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. С. Подшибякин</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Р. А. Ромашов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. А. Сергеев</i>	кандидат исторических наук, Ph D, доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Третьякова О. Д., Гюльвердиев Р. Б.

Юридическая аккультурация правовой системы России
в правовом регулировании франчайзинга 7

Филимонова А. И.

Понятие юридического инстинкта как фактора,
детерминирующего поведение человека
(по материалам конкретно-социологического исследования) 15

Колесникова Ю. П.

Наука как фактор интерполяции права..... 21

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Бубнова Ю. Г.

Общая характеристика власти и отдельные виды ее проявления
на примере субъектов управления
уголовно-исполнительной системы 26

Кудрявцев А. В.

Оперативно-розыскное и криминалистическое
обеспечение расследования преступлений, совершенных
в уголовно-исполнительной системе:
некоторые проблемы и пути решения 32

Кудрявцева Н. Е.

Некоторые аспекты применения методов первоначального этапа
расследования хищений, связанных с расходованием
бюджетных средств, в учреждениях
и органах уголовно-исполнительной системы..... 37

Лепёшин Д. А., Лепёшина Н. В.

Новые доказательства в суде второй инстанции
при рассмотрении гражданских дел..... 41

Овчинникова Ю. В.

Право на неприкосновенность частной жизни:
проблемы имплементации международных норм
в современном российском законодательстве 49

Пикин И. В., Долгушева С. Ю.

Проблемы правового регулирования прав и свобод
ВИЧ-инфицированных в исправительных учреждениях..... 54

Пикин И. В., Колягин А. Л.

Институт пожизненного лишения свободы
как вид уголовного наказания и проблема
его применения в современной России 58

Сорокин М. В., Сорокина О. Е.

Анализ опыта обеспечения пенитенциарной безопасности
в федеральных тюрьмах США..... 62

**К НОВОМУ ПОКОЛЕНИЮ СТУДЕНЧЕСТВА –
ЧЕРЕЗ ПРОСВЕЩЕНИЕ**

Баженова Е. А.

Преподавателями и студентами
Юридического института ВлГУ реализован проект
«К новому поколению студенчества – через просвещение
(к 800-летию принятия Великой хартии вольностей)» 69

Сведения об авторах 73

Правила оформления и предоставления рукописей 77

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Tret'yakova O. D., Gyl'verdiev R. B. The Juridical Acculturation of Russian Legal System in Legal Regulation of Franchising	7
Filimonova A. I. The Concept of Legal Instinct as a Factor in Determining the Behavior of Man (Adopted from the Concrete Sociological Research)	15
Kolesnikova Yu. P. Science as a Factor of Interpolation of Law	21

CURRENT ISSUES BRANCH JURISPRUDENCE AND LAW ENFORCEMENT

Bubnova Yu. G. General Characteristics of the Individual Types of Power and Its Manifestations on the Example of Subjects of Management of the Penal System	26
Kudryavcev A. V. Operative-investigative and Forensic Software Investigate Crimes Committed in the Penal System: Some of the Problems and Solutions	32
Kudryavceva N. E. Some Aspects of the Application of an Initial Stage of Investigation of Theft Related to Spending of Budget Funds, Bodies and Institutions of Penal System.....	37
Lepyoshin D. A., Lepyoshina N. V. New Evidence in the Court of Second Instance in Civil Cases	41
Ovchinnikova Yu. V. The Right for Personal Privacy: the Problem of Implementation of International Standards in the Modern Russian Legislation	49
Pikin I. V., Dolgusheva S. Yu. Problems of Legal Regulation of the Rights and Freedoms HIV-positive in Correctional Facilities.....	54
Pikin I. V., Kolyagin A. L. Institute of Life Imprisonment as a Form of Criminal Punishment and the Problem of Its Application in Modern Russia	58
Sorokin M. V., Sorokina O. E. Analysis of Experience in Ensuring the Security of the Penitentiary in USA Federal Prisons	62

**TOWARDS A NEW GENERATION OF STUDENTS –
THROUGH EDUCATION**

Bazhenova E. A.

Lecturers and Students of the Law Institute

of Vladimir State University Implemented the Project

«Towards a New Generation of Students – Through Education

(by the 800th Anniversary of the Adoption of the Magna Carta)..... 69

About the Authors..... 75

Rules and registration of manuscripts 77

О. Д. Третьякова, Р. Б. Гюльвердиев

ЮРИДИЧЕСКАЯ АККУЛЬТУРАЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ФРАНЧАЙЗИНГА

Аннотация. Статья посвящена развитию франчайзинга в России, особое внимание уделяется использованию опыта зарубежных стран в правовом регулировании франчайзинговых отношений.

Ключевые слова: юридическая конвергенция, правовая аккультурация, франчайзинг, франчайзинговые отношения, правовое регулирование.

O. D. Tret'yakova, R. B. Gyul'verdiev

The Juridical Acculturation of Russian Legal System in Legal Regulation of Franchising

Abstract. The article focuses on the development of franchising in Russian Federation. It emphasizes the use of foreign experience in legal regulation of franchise relations.

Key words: legal convergence, the legal acculturation, franchising, franchise relationship, legal regulation.

Юридическая аккультурация правовой системы России как вариант добровольной юридической конвергенции отражает современные общемировые тренды правового межгосударственного взаимодействия. Не случайно в последней трети XX в. в юридической науке актуализировался вопрос об аккультурации в связи с государственно-правовыми явлениями, который нашел отражение в исследованиях, посвященных изучению процессов становления конвергенции правовых систем. Вместе с тем нельзя сказать, что проблема себя исчерпала, скорее, наоборот, данный вид взаимодействия правовых систем обуславливает необходимость углубления изучения данного вопроса.

Правовая (юридическая) аккультурация – это такое юридическое взаимодействие, которое: протекает на протяжении длительного времени; приводит к частичной или полной трансформации одной или нескольких правовых систем, вступивших в контакт (другими словами, может быть как односторонним, так и двусторонним актом).

Примером международной юридической конвергенции как вида добровольной аккультурации можно назвать процессы создания и признания различными странами модельных законов.

Рассматривая данную тему в современных условиях, необходимо учитывать историческую фабулу развития и формирования модельного законодательства. Особый интерес в этой связи приобретают рассмотрение общепризнанных принципов, содер-

жащихся в международных модельных актах, а также тенденции их развития и имплементации. В международной практике применяются различные средства унификации и гармонизации законодательства.

Попытки создания модельного законодательства можно наблюдать в различных странах мира. Однако тенденции к унификации национального законодательства посредством модельного законодательства требуют детального изучения и систематизации. Можно рассматривать практику применения модельного законодательства в зарубежных странах в следующей последовательности:

- 1) единообразные акты США;
- 2) использование в ряде бывших колоний в качестве типовых законодательных актов законодательства колонизаторов;
- 3) внедрение собственного типового законодательства, наряду с используемым колониальным законодательством, на примере Канады и Австралийского союза;
- 4) рассмотрение попытки унификации законодательства посредством модельных актов в странах Латинской Америки;
- 5) унификация права в Скандинавских странах;
- 6) возможность использования модельного законодательства в странах Евросоюза;
- 7) использование международными организациями модельного законодательства;
- 8) модельные акты профессиональных объединений и организаций¹.

Анализ правовой аккультурации в виде формирования модельного законодательства приводит к неизбежному выводу о том, что на практике юридическая конвергенция в виде правовой аккультурации невозможна без задействования государственных институтов. При этом, если говорить о направленности аккультурационных процессов, то они охватывают все сферы жизнедеятельности общества, но все же интеграция в экономической сфере на основе юридической конвергенции наиболее значительна.

Сегодня в сфере правового регулирования экономических отношений результатом сближения российских норм с международными правилами и стандартами явилось образование целого ряда договорных конструкций. К таким, в частности, можно отнести договор франчайзинга.

Данные отношения в отечественной правовой системе постепенно интегрируются с нормами других правовых систем на основе Модельного закона о франшизе, разработанного в 2002 г. в Риме Институтом унификации международного частного права².

В терминологическом аппарате российского законодательства понятия «франчайзинг» или «договор франчайзинга» отсутствуют. Однако данные отношения регулируются гл. 54 ГК РФ и представлены в виде коммерческой концессии.

По договору коммерческой концессии одна сторона (правообладатель) обязуется предоставить другой стороне (пользователю) за вознаграждение на срок или без указания срока

¹ Шестакова Е. В. Модельное законодательство (теоретико-правовые аспекты и практика применения) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 203 с.

² Model Franchise Disclosure Law. URL: <http://www.unidroit.org/instruments/franchising/model-law> (дата обращения: 20.10.2015).

право использовать в предпринимательской деятельности пользователя комплекс принадлежащих правообладателю исключительных прав, включающий право на товарный знак, знак обслуживания, а также права на другие предусмотренные договором объекты исключительных прав, в частности на коммерческое обозначение, секрет производства (ноу-хау).

Термин «коммерческая концессия» достаточно условен, он был избран разработчиками части второй ГК РФ как наиболее близкий по смыслу к английскому «franchising» – широко распространенному в западном законодательстве понятию «франчайзинг» (или «франшиза»), обозначающему определенную систему коммерческих отношений на постоянной договорной основе в самых разных областях экономического оборота¹.

Легализованное российским законодателем понятие вызывает множество споров о возможности отождествления его с понятием «договор франчайзинга». Различные государства, адаптируя данные специфические отношения к своей национальной правовой природе, используют многообразные вариации определения, вкладывая свой смысл и содержание. Например, используются такие термины, как: «комплексная предпринимательская лицензия», «франчайзинг», «франшиза», «франшизное соглашение».

Однако в большинстве стран в скобках делается уточнение, что именно эти договоры и регулируют франчайзинговые отношения. Такой

подход объясняется необходимостью гармонизации национальной и зарубежной терминологической базы и определения взаимосвязи и соответствия между национальным законодательством в сфере традиционных лицензионных отношений и относительно новыми отношениями, связанными с куплей-продажей франшиз².

Система франчайзинга функционирует следующим образом: отдельные фирмы, пользующиеся франшизой, представляют собой группу, тесно связанных между собой предприятий, деятельность которых планируется, направляется и контролируется инициатором всего процесса – франчайзером, т. е. фирмой, владеющей торговой маркой и предоставляющей лицензию на ее использование³.

Франчайзинг в его наиболее типичной форме возник в XVIII в. в британской системе «связанных домов», которая получила широкое распространение в Англии. В связи с введением в стране ограничений на продажу пива, лицензия на нее выдавалась только владельцам постоянных дворов, которые должны были их содержать в соответствии с требованиями властей. Такая система появилась как защитный механизм, позволяющий пивоварам поддерживать нужный объем продаж. В обмен на предоставленный заем или аренду имущества пивовар получал постоянный двор как рынок сбыта своего пива и спиртных напитков. Система «связанных домов» оказалась эффективным коммерческим механизмом⁴.

¹ Договоры в предпринимательской деятельности / О. А. Беляева [и др.] ; отв. ред. Е. А. Павлодский, Т. Л. Левшина. М., 2008. С. 221.

² Панюкова В. В. Новое торговое пространство для франчайзинга // Торговое право. 2012. № 6. С. 75–94.

³ Котлер Ф. Маркетинг, менеджмент. 11-е изд. СПб., 2005. С. 575.

⁴ Стэнфорд Дж., Смит Б. Франчайзинг в малом бизнесе : пер. с англ. / под ред. Л. Н. Павловой. М., 1996. С. 12.

В современном бизнес-формате франчайзинг начал использоваться в США компанией по производству швейных машин предпринимателя и изобретателя Зингера (Singer Sewing Machine Company). К началу XX в. швейных машин марки «Зингер» было произведено около 21 млн. При таком огромном производстве возникли проблемы реализации продукции, обслуживания и ремонта швейных машин. В этих условиях была задумана и создана франчайзинговая система, которая предоставляла финансово независимым фирмам в США и других странах исключительные права продавать швейные машины и обслуживать их в пределах определенной территории¹.

Франчайзинговая система, в том числе система так называемого пост-продажного сервиса, разработанные и внедренные корпорацией И. Зингера, явились определенным катализатором в образовании и развитии франчайзинговых отношений в самых различных отраслях во многих странах.

Первые франшизы в России были проданы компаниями «Дока-Пицца» и «Дока-Хлеб» в конце 90-х гг. XX в., первая иностранная франшиза – корпорацией «Баскин Роббинс»².

В последние годы наблюдается положительная тенденция развития франчайзинговых отношений в России как прогрессивной системы организации и ведения бизнеса. О стабильном росте зарегистрированных Роспатентом договоров коммерческой концессии (в том

числе договоров коммерческой субконцессии) свидетельствуют данные, представленные в докладе об итогах деятельности Роспатента за 2014 г.

В 2014 г. было зарегистрировано 3 311 договоров коммерческой концессии (субконцессии), что составляет 103,1 % по отношению к 2013 г. (3 210 договоров), 52,6 % по отношению к 2012 г. (6 285 договоров) и 236 % по отношению к 2011 г. (1 403 договора)³.

Особую роль в развитии франчайзинга в России сыграло образование Российской ассоциации франчайзинга (далее: РАФ) в 1997 г., явившейся связующим звеном заинтересованных сторон, консолидирующей их потенциал и направленной на оказание им содействия и популяризацию данного рода отношений.

Однако представленные РАФ основные показатели, характеризующие уровень развития франчайзинга в конкретной стране, указывают на то, что Россия пока отстает не только от стран-лидеров, но и от так называемых середнячков⁴. В связи с этим актуализируются вопросы анализа зарубежного опыта использования механизма франчайзинга, проецирования возможных путей эффективной конвергенции норм и выработки стратегии совершенствования правовой базы в данной области с учетом достоинств, недостатков и потенциальных рисков франчайзинга, в целях стабилизации российской экономики в период кризиса и ее последующего плодотворного развития.

¹ Экономика предприятия : учеб. для вузов / под ред. проф. В. Я. Горфинкеля, проф. В. А. Швандара. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 101.

² Франчайзинг в России. URL: https://www.rusfranch.ru/franchising/franchayzing_v_rossii/ (дата обращения: 20.10.2015).

³ Роспатент в системе «Открытое правительство». URL: <http://www.rupto.ru/about/opengov> (дата обращения: 20.10.2015).

⁴ Статистика. URL: <https://www.rusfranch.ru/franchising/statistics/> (дата обращения: 20.10.2015).

Особый интерес в данном случае представляет анализ инфраструктуры франчайзинга, сложившейся в США – «франчайзинговой столице мира», в которой количество франчайзеров возросло от 100 в 1950 г. до 3 000 в 2015 г.¹

Исходя из анализа дефиниций франчайзинга, оперируемых Международной ассоциацией франчайзинга, Федеральной торговой комиссией США и Требованиями о раскрытии информации и запретах, касающихся франчайзинга, и благоприятных условиях для регулирования франчайзинговых систем в США, можно выделить следующие схожие критерии в определении искомой категории:

1) эти отношения имеют форму самостоятельного контракта, который содержит условия, достигнутые в результате договоренностей сторон;

2) франчайзер должен иметь развитую систему бизнеса, идентифицируемую с брендом, который имеет выражение в торговой марке или фирменном наименовании;

3) первоначально франчайзи должен инвестировать денежные средства для получения комплекса исключительных прав от франчайзера;

4) в целях эффективной реализации договорных отношений и оптимизации франчайзинговой структуры франчайзер предоставляет полную информацию о товаре или услуге, бизнес-операциях, оказывает постоянное содействие

франчайзи в эффективном развитии системы, проводит семинары (обучение), рекламные мероприятия, маркетинг;

5) франчайзер может осуществлять тщательный контроль за деятельностью франчайзи;

6) франчайзи с определенной периодичностью осуществляет текущие выплаты (роялти) франчайзеру за предоставленный комплекс исключительных прав.

Существуют две обособленные правовые схемы, которые оказывают влияние на развитие франчайзинговых отношений в США – федеральное законодательство и законы штатов. В большей части законы отдельных штатов являются дополнением и конкретизируют существующее федеральное законодательство. Но все же в некоторых из них встречаются различия, поэтому данная дихотомия требует от сторон в процессе сотрудничества оценивать все аспекты применимого права².

На федеральном уровне основные положения о франчайзинге промульгируются Федеральной торговой комиссией (далее: ФТК) и содержатся в специальных Требованиях³ о раскрытии информации и запретах, касающихся франчайзинга, и благоприятных условиях для регулирования франчайзинговых систем в США. В 2007 г. данный документ претерпел изменения, которые вступили в силу в 2008 г.

Требования ориентированы прежде всего на обеспечение раскрытия информации о франшизе потенци-

¹ A Practical Guide to U.S. Franchise Sales Laws & Franchise Relationships. 2015. March.

² Märzheuser-Wood B., Baggott B. Franchise Law in the United States. URL: <http://www.dentons.com/.../Franchise%20Law%20in...> (дата обращения: 20.10.2015).

³ В отечественной литературе встречается название «Постановление № 436 “Требования о раскрытии информации, запретах, касающихся франчайзинга, и благоприятных условиях предпринимательства (1979)”» (Сосна С. А., Васильева Е. Н. Франчайзинг. Коммерческая концессия. М., 2005. 375 с.).

альному франчайзи путем предоставления специального документа – Franchise Disclosure Document (FDD). Данная обязанность коррелирует с многими законами штатов, 15 из которых требуют осуществления регистрации информации о франшизе на преддоговорном этапе¹.

Существует перечень категорий информации (их всего 23), который должен быть отражен в документе, в соответствии с Требованиями ФТК и в обязательном порядке представлен для ознакомления франчайзи. К ним относятся: сведения о франчайзере; бизнес-опыте; судебной практике; первоначальных взносах; других выплатах; обязанностях франчайзи; помощи со стороны франчайзера; рекламировании, программном обеспечении и обучении; территории; торговых марках; патентах; авторских правах и служебной информации; разрешении споров; финансовой отчетности и др.²

Реализация франшиз в сфере услуг сопряжена со значительными рисками. Франчайзи, получив всю информацию от франчайзера, может просто перестать сотрудничать с компанией и продолжить свою деятельность самостоятельно, используя наработки, ноу-хау компании-франчайзера³. В данном случае, в отличие от России, в США и Европе существует множество норм, регулирующих именно преддоговорной обмен информацией, обеспечивающих дополнительные гарантии для контрагентов.

Корректирующим инструментом в данной области мог бы выступить специальный закон о франчайзинге. Однако представленный законопроект в Госдуму от 21 апреля 2014 г.⁴ не оправдал надежд ни ученых, ни практиков и был встречен бурей негодования. Он явился примером «слепой» конвергенции норм, протекающей без учета специфики отечественной правовой природы.

Отмечается заимствование отдельных положений законопроекта у упомянутого Модельного закона о франшизе. Но в упомянутом Модельном законе как раз предлагается раскрывать информацию о франчайзи, которые перестали быть франчайзи данного франчайзера с указанием причин этого. А вот российский законопроект раскрытия подобной информации, к сожалению, не предполагает, что мешает ему в полной степени добиваться цели «поставить заслон фиктивно действующим на рынке недобропорядочным компаниям». В итоге может получиться, что общая картина деятельности головного офиса может быть вполне успешной. Контакты действующих франчайзи могут быть представлены только по прибыльным точкам (ведь количество контактов в проекте закона не оговаривается, нет и указания на предоставление контактов всех франчайзи сети). Но при этом франчайзер может иметь в основном успешный отдел продаж и получать основную прибыль за счет паушальных взносов новых франчайзи, мало интересуясь дальнейшей судьбой партнеров,

¹ The Franchise Law Review Reproduced with Permission from Law Business Research Ltd. In: The Franchise Law Review. Ed. 2. Ed. Mark Abell. 2015. Jan.

² Grueneberg S. Entering the U.S. Franchise Market: a Summary of Legal Considerations. In: International Journal of Franchising Law. 2013. Vol. 11. Iss. 3.

³ Лукашева Н. Е. Анализ развития франчайзинга в России: итоги последнего десятилетия // Науч. тр. Ин-та народнохоз. прогнозирования РАН. 2011. № 9. С. 546–563.

⁴ О франчайзинге : проект федер. закона № 503845-6. URL: <http://asozd.gov.ru> (дата обращения: 21.09.2015).

купивших его франшизу. В связи с этим покупателю франшизы важно знать масштабы и причины выхода франчайзи из сети, поэтому дополнение списка раскрываемой информации данными об этом представляется весьма значимым¹.

В РАФ отметили, что документ концептуально не проработан, не согласован с действующим законодательством – прежде всего с ГК РФ, регулирующим правоотношения во франчайзинге. Обращают внимание также на низкую юридическую технику законопроекта: предлагаемый понятийный аппарат противоречив, содержит формулировки, которые не могут рассматриваться в качестве правовых норм и т. п.²

Очевидно, что появление базового законодательства о франчайзинге – это определенный шаг вперед, с учетом внедрения положений о преддоговорном этапе заключения договора франчайзинга, который давно существует в практике зарубежных стран. Однако в целом представленный законопроект из-за слабой юридической проработанности и противоречивости текущему законодательству послужит не решением образовавшихся проблем, а лишь создаст дополнительные.

В плане теории юридической конвергенции сближение отечественного правового регулирования с международной регламентацией отношений в сфере франчайзингового регулирования можно описать как поливекторную международную правовую аккультурацию.

Поливекторность данного типа юридической аккультурации характеризуется активным использованием

франчайзингового регулирования несколькими странами (США, Евросоюз) и заимствованием образцов данного регулирования отечественной правовой системой.

Полагаем, что данный вид юридической конвергенции правовых систем предполагает несколько этапов ее осуществления.

Первый этап характеризуется изучением положительного опыта правовой регламентации франчайзинговых отношений в отдельных государствах. Данной деятельностью могут заниматься как отдельные лица, так и государственные органы (например, Государственная Дума). Инициацией необходимости юридической конвергенции в вопросах франчайзинга стал юридический факт продаж франшиз в России (франшизы были проданы компаниями «Дока-Пицца» и «Дока-Хлеб»).

Второй этап – это интерпретация данного опыта, сопоставление его с общемировыми тенденциями, перспективами и модельным законодательством (например, Модельный закон о франшизе, подготовленный в 2002 г. в Риме Институтом унификации международного частного права). На этом этапе образцовый Модельный закон перерабатывается отечественным законодателем, хотя процесс еще не завершен. Проект Федерального закона № 503845-6 «О франчайзинге» еще не принят.

Традиционный третий этап юридической аккультурации предусматривает продвижение аккультурационных франчайзинговых норм в отечественную правовую систему. И хотя

¹ Законопроект о франчайзинге внесен в Государственную Думу. URL: <http://fund-franchising.com>novosty/20.05.2014-press.aspx> (дата обращения: 21.09.2015).

² РАФ выступает в защиту действующего законодательства. URL: <https://www.rusfranch.ru/presscenter/newsraf/627/> (дата обращения: 08.10.2015).

новый закон о франчайзинге в России еще в стадии принятия, тем не менее франчайзинговые отношения в России имеют место быть и регулируются международным законодательством в части непротиворечия отечественному правовому регулированию.

Четвертый этап – ассимиляция международных франчайзинговых норм внутренним законодательством. В данном случае международные нормы провозглашаются, издаются, но на практике подменяются нормами отечественного гражданского законодательства, которые достаточно часто

блокируют регулирование франчайзинговых отношений.

В целом качественные характеристики российского законодательства, отражающие эффективность правового регулирования общественных отношений в сфере франчайзинга будут зависеть от того, насколько адекватно идеи трансформации и интеграции, инициируемые процессом юридической аккультурации, позволяют совершенствоваться отечественной правовой системе.

Библиографический список

1. Лукашева Н. Е. Анализ развития франчайзинга в России: итоги последнего десятилетия / Н. Е. Лукашева // Науч. тр. Ин-та народнохоз. прогнозирования РАН. – 2011. – № 9. – С. 546–563.

2. Панюкова В. В. Новое торговое пространство для франчайзинга / В. В. Панюкова // Торговое право. – 2012. – № 6. – С. 75–94.

3. Стэнворд Дж. Франчайзинг в малом бизнесе : пер. с англ. / Дж. Стэнворд, Б. Смит ; под ред. Л. Н. Павловой. – М. : ЮНИТИ, 1996. – 199 с.

4. Третьякова О. Д. Юридическая конвергенция: теория, технология, практика : монография / О. Д. Третьякова. – М. : Центр соврем. образоват. технологий, 2011. – 344 с.

References

1. *Lukasheva N. E.* Analysis of the Development of Franchising in Russia: Results of the Last Decade. *Proceedings Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences*. 2011. No. 9. P. 546–563.

2. *Panyukova V. V.* New Retail Space for Franchising. *Torgovoe Pravo*. 2012. No. 6. P. 75–94.

3. *Ste'nvord J., Smith B.* Franchise Small Business. Tranl. from English. Ed. by L. N. Pavlova. M., YNITI, 1996. 199 p.

4. *Tret'yakova O. D.* Legal Convergence: Theory, Technology, Practice. M., Centr Sovremenny'kh Obrazovatel'ny'kh Tekhnologij, 2011. 344 p.

А. И. Филимонова

**ПОНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИНКТА КАК ФАКТОРА,
ДЕТЕРМИНИРУЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА (ПО
МАТЕРИАЛАМ КОНКРЕТНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ)**

Аннотация. На основе различных подходов и результатов конкретного социологического исследования в статье рассматриваются юридические инстинкты как факторы, детерминирующие поведение человека. Приводится авторская дефиниция юридических инстинктов.

Ключевые слова: инстинкт, юридический инстинкт.

A. I. Filimonova

**The Concept of Legal Instinct as a Factor in Determining the Behavior of Man
(Adopted from the Concrete Sociological Research)**

Abstract. There is an examination of the legal instincts as factors determining human behavior on the basis of the different approaches and the results of concrete sociological research in the article. The authors provide a definition of legal instincts.

Key words: instinct, the legal instinct.

Поведение человека разнопланово и разнообразно. Инициация поведения и его многообразие обуславливаются целым комплексом различных причин, условий, целей и задач. Среди факторов, детерминирующих поведение, особое место занимают человеческие инстинкты.

Впервые термин «инстинкт» был упомянут в богословских трудах начала XVIII в. как идеологическое понятие. Инстинкт рассматривался просто как нечто, резко противопоставленное «божественной разумности», и не более того¹. Иными словами, под инстинктом понималось как нечто «неразумное», «животное». Это

понятие носило негативную философско-богословскую окраску. Со временем негативное отношение к инстинктам изменилось, но практически до сих пор не выработана единая понятийная определенность инстинкта.

Сегодня понятие «инстинкт» используется многими отраслями научного знания. Так, в энциклопедических источниках инстинкт (от лат. *instinctus* побуждение) трактуется как совокупность сложных врожденных реакций (актов поведения) организма, возникающих в ответ на внешние или внутренние раздражения; сложный безусловный рефлекс (пищевой, оборонительный, половой и др.). Инстинкты человека контролируются его сознанием².

© Филимонова А. И., 2015

¹ Протопопов А. И., Вязовский А. В. Инстинкты человека: попытка описания и классификация. Якутск, 2011. 144 с.

² Большой энциклопедический словарь. URL: http://enc-dic.com/enc_big/Instinkt-22939.html (дата обращения: 16.03.2015).

В биологии под инстинктом понимается комплекс двигательных актов или последовательность действий, свойственных организму данного вида, реализация которых зависит от функционального состояния животного (определяемого доминирующей потребностью) и сложившейся в данный момент ситуации. Инстинктивные реакции носят врожденный характер, и их высокая видовая специфичность часто используется как таксономический признак, наряду с морфологическими особенностями данного вида животных¹.

Даже в юриспруденции имеется определение понятия «инстинкт» – это совокупность врожденных поведенческих комплексов, могущих активизироваться при воздействии ключевых раздражителей². Наличие определения «инстинкт» в юридическом словаре уже само по себе наталкивает на размышления о юридической составляющей инстинктов и об обусловленных ими вариантах поведения, которое, как представляется, может быть правовым и иметь общественное значение.

И все же наиболее обоснованным и убедительным в аргументации социально-правовой составляющей инстинктов, с нашей точки зрения, является кибернетический подход к определению сущности инстинктов. С позиций кибернетического подхода инстинкты – это наследственные программы поведения, в случае высших животных и особенно человека – преимущественно открытые программы³.

Кибернетический подход позволяет связать врожденные свойства личности и социальные, в том числе юридические, факторы ее поведения.

1. Ребенок, в отличие от животных, получает регулятивную информацию, определяющую его поведение в результате взаимодействия двух систем генетической и социально-культурной наследственности. Отсюда, как справедливо утверждает представитель кибернетического подхода к инстинктам А. И. Фет, инстинкты – это врожденные программы поведения, записанные в геноме вида. Открытые программы инстинктов человека заполняются подпрограммами, выработанными не только его личным опытом, но и его культурой⁴.

2. Человек развивается в определенной социокультурной среде, которая формирует программы стереотипов, необходимых для оптимального функционирования общественной системы или подсистемы. Задавая тот или иной стереотип поведения, общество оказывает программирующее влияние на инстинкты, мотивирующие поведение человека в той или иной жизненной ситуации.

3. Инстинкты человека, по-видимому, формировались постепенно как основания обеспечения выживания человека и человечества в целом. Иными словами, можно утверждать, что изменение условий выживания, как правило, изменяет и систему инстинктов для обеспечения этого выживания. Именно поэтому сегодня в результате изменений условий жизни человека и человечества в целом, развития его социальной сущности система инстинктов, влияющих на поведение человека, также изменилась вслед за изменением условий выживания, в связи с чем можно вести речь о

¹ Данилова Н. Н., Крылова А. Л. Физиология высшей нервной деятельности. М., 1997. С. 70.

² Юридический словарь. URL: <http://enc-dic.com/legal/Instinkt-7345.html> (дата обращения: 17.03.2015).

³ Фет А. И. Инстинкт и социальное поведение. 2-е изд. Новосибирск, 2008. 720 с.

⁴ Там же.

социальных инстинктах. При этом, полагаем, что никакие социальные влияния не могут подавить действие основных инстинктов, однако могут предопределить форму их реализации.

Для того чтобы определить глубину воздействия базовых инстинктов на социальное и, прежде всего, правовое поведение человека, а также установление вероятности проявления собственно социальных и правовых инстинктов, было проведено конкретно-социологическое исследование.

Исследование проводилось в марте 2015 г. было опрошено 164 студента 1–4-х курсов Юридического института Владимирского государственного университета и 88 студентов 1–4 курсов неюридических специальностей Владимирского государственного университета. Опрос проводился в виде закрытого анкетирования, без учета демографических факторов¹.

Гипотеза опроса предполагала, что инстинкты играют существенную роль в правовом регулировании до такой степени, что возможны проявление и выделение правовых (юридических) инстинктов. Инстинкты, опосредующие правовое регулирование и ему не противоречащие, а также случаи способствования инстинктов противоправному поведению охватываются единым понятием «правовое поведение». Следовательно, уже по этому основанию можно выделить значимость некоторых инстинктов как юридическую.

Опросные листы были подготовлены с вариантами ответов, причем допускалось несколько вариантов ответов на один вопрос, вследствие чего по некоторым вопросам общий процент ответов превысил сто процентов.

Все вопросы условно можно подразделить на несколько групп.

Первая группа вопросов касалась представлений участников об инстинктах и их сущности и свойствах.

На вопрос о сущности инстинктов примерно половина респондентов (50,4 %) отметили, что инстинкт – это комплекс двигательных актов или последовательность действий, свойственных организму данного биологического вида, реализация которых зависит от функционального состояния органического, в том числе человеческого (определяемого доминирующей потребностью), и сложившейся в данный момент ситуации. Инстинктивные реакции носят врожденный характер, и их высокая видовая специфичность часто используется как характерный признак наряду с морфологическими особенностями данного вида организмов. Другая, значительная, часть опрошенных (22,4 %) акцентировала свое внимание на том, что инстинкты – это совокупность врожденных тенденций и стремлений, выражающихся в форме сложного автоматического поведения. В узком смысле, это совокупность сложных наследственно обусловленных актов поведения, характерных для особей данного вида при определенных условиях.

Не менее многочисленная группа (19,2 %) отметила в своих ответах, что инстинкт это – совокупность врожденных сложных реакций (актов поведения) организма, присущих в той или иной мере всем особям данного биологического вида и запускающихся в почти неизменной (фиксированной) форме в ответ на внешние или внутренние раздражители.

¹ Опрос проводился межвузовской рабочей группой в составе Р. Б. Головкина и А. И. Филимоновой, при участии преподавателей, адъюнктов и студентов Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний и Владимирского государственного университета.

Меньше всего респондентов (8,0 %) отметило возможную социальную составляющую инстинктов.

На вопрос о влиянии инстинктов на поведение человека большинство респондентов (74,1 %) ответили, что инстинкты существенно влияют на поведение. Достаточно много участников социологического исследования (81,1 %) отметили возможность подавления (полного или частичного) инстинктов. При этом в качестве лиц, которые способны «подавить» инстинкты, назывались формальные и неформальные лидеры и руководители (74,9 %).

В целом результаты анкетирования по данной группе вопросов свидетельствуют о верных представлениях студентов о сущности инстинктов, отмечаются их врожденность, присущность не только человеку, но и другим существам, внешняя выраженность в определенных деяниях.

Вторая группа вопросов была направлена на изучение *влияния инстинктов на общественные отношения*.

На вопрос о том, можно ли считать информацию о человеческих инстинктах, циркулирующую в обществе, свидетельством наличия социальных инстинктов, утвердительно ответили 52,4 % студентов, участвовавших в опросе. При этом 36,2 % респондентов затруднились дать ответ на данный вопрос. Затруднения возникли прежде всего у студентов неюридических специальностей (более 72 %).

На вопрос о том, могут ли инстинкты быть сугубо человеческими, больше всего респондентов (72 %) ответили, что могут или могут, но при определенных условиях. На вопрос о том, совпадает ли при осуществлении правомерной юридической деятельности формальное и неформальное лидерство, большинство опрошенных

участников ответили, что чаще совпадает (46,6 %).

На вопрос, часто ли действуете инстинктивно, большинство респондентов (81 %) ответили «да» или «достаточно часто».

Отношения господства – подчинения большинство респондентов (86,1 %) отнесли к сфере инстинктов, к инстинкту власти.

На вопрос, можно ли выделить инстинкт лидерства, 67,1 % опрошенных студентов ответили положительно. Обобщая ответы на вопросы рассматриваемой группы, можно сказать, что социальность инстинктов обосновывается их включенностью в общественные отношения.

В рамках **третьей группы** вопросов изучались поведенческие аспекты инстинктов и их связанность с правоотношениями.

На вопрос о том, если вас ударят по левой щеке, и имеется перспектива получить еще удары, то: 39,9 % студентов склонны на насилие ответить насилием; 19,0 % студентов готовы действовать по библейской заповеди, подставить под удар другую щеку; 23,8 % участников опроса предпочтут скрыться с места происшествия.

Если у респондентов есть возможность похитить автомобиль, о котором они мечтали, и за это деяние юридическая ответственность никогда не наступит, то: 25,9 % его похитят; 55,8 % студентов участвовавших в опросе, воздержатся от хищения, так как это противоправно (33,1 %) или аморально (22,7 %).

Большинство участников опроса (78,7 %) (половые характеристики не учитывались) воспользуются гарантированной возможностью вступить в сексуальную связь с противоположным полом, невзирая на расстояние и грядущую работу. 13,2 % респондентов позвонят сексуального партнера к себе.

Анализ ответов на вопросы данной группы позволяет сделать вывод о большой регулятивной силе инстинктов и существенном влиянии их на социальное, в том числе правовое, поведение.

Четвертая группа вопросов была посвящена исследованию *юридических свойств инстинктов*.

На вопрос о понятии и сущностных свойствах инстинктов, которые можно назвать юридическими, большинство участников опроса (52,4 %) ответили, что это совокупность сложных, наследственно обусловленных и основанных на правовых предписаниях актов поведения, при определенных условиях характерных для субъектов правоотношений. Достаточно большое количество отождествили сферу инстинктивного с сознанием и правосознанием, рассматривая инстинкты как стереотипы поведения (10,2 %), а также переживания, эмоции и чувства по поводу права (17,2 %). Некоторые респонденты (20,2 %) избрали комплексный подход к определению юридического инстинкта и рассмотрели его как совокупность относительно контролируемых сложных, обусловленных природой и воспитанием стереотипических реакций (актов поведения), возникающих в ответ на внешние правовые или внутренние (правосознание) раздражения; сложный условно-безусловный рефлекс (пищевой, оборонительный, половой и др.) в связи с правовым регулированием.

На вопрос о соотношении биологического, психологического и социального во взаимодействии права и инстинктов три варианта ответов набрали наибольшее количество голосов респондентов, это: 1) социальный мир развивается независимо от биологического и психического, представляя собой самостоятельную специфика-

ческую реальность (30,7 %); 2) психическая сущность человека, опираясь на его биологическую природу, детерминирует социальное, познает и конструирует общественные формы жизни. Биологическое, социальное и психическое равнозначно взаимодействуют друг с другом и формируют особую человеческую сущность (39,4 %); 3) опираясь на биологическую природу человека, социальное, в том числе юридическое, проявляется как социальный (правовой) инстинкт (20,6 %).

В качестве инстинктов, влияющих на правовое поведение, участники опроса называли: бегство (страх), неприятие (отвращение), любознательность (удивление), агрессивность (гнев), самоуничтожение (смущение), самоутверждение (воодушевление) и т. д.

На вопрос о том, можно ли назвать противоправное поведение детей родителей, имеющих судимость, врожденным, инстинктивным, большинство респондентов (56,1 %) в той или иной степени ответили положительно.

В целом, резюмируя итоги исследования, можно заключить, что гипотеза опроса подтвердилась.

Во-первых, так как инстинкты охватывают своим влиянием большинство проявлений поведения современного человека, следовательно, и правовое поведение во многом обусловлено инстинктами. При этом можно выделить случаи, когда, с одной стороны, инстинкты противостоят направлению программируемого направления правового воздействия на общественные отношения, а с другой – препятствуют реализации права.

Во-вторых, право, выступая инструментом поддержания жизнедеятельности личности общества и государства, является «продолжением» (порожде-

нием) инстинктов и прежде всего инстинкта самосохранения, поэтому правовое регулирование – это частный случай проявления основного инстинкта.

В-третьих, следование правовому предписанию, выражающему фундаментальные морально-ценностно-религиозные заповеди (такие как, «не убий», «не укради» и т. д.), происходит фактически инстинктивно, на это обращал внимание еще И. Кант, говоря о врожденных способностях человека распознать добро и зло, справедливость и несправедливость.

В-четвертых, противоправная агрессия может быть обусловлена генетически, т. е. носить врожденный характер, обуславливая тем самым противоправный юридический инстинкт.

В-пятых, главный конфликт собственно инстинкта и права как продолжения инстинкта проявляется в том, что инстинкт всегда индивидуален и направлен на реализацию выживания индивида, а инстинкт, выраженный в праве, преимущественно направлен на выживание общества. Выживание общества в отдельных случаях (например война) может идти

по пути жертвования индивидуальным выживанием для выживания большинства и общества в целом. В связи с этим индивидуальный инстинкт, в нормальных условиях не противоречащий выживанию общества, при определенных обстоятельствах становится противоправным (например сохранение индивидуальной жизни в форме дезертирства из действующей армии).

Таким образом, с учетом проведенного исследования и изложенных выше выводов можно сказать, что юридический инстинкт – явление возможное, действительное и необходимое для поддержания выживания государственно-организованного общества. Следовательно, **юридические инстинкты** – это объективное явление, реализуемое субъективно участниками правоотношений в виде совокупности относительно устойчивых, сложных стереотипических реакций (актов правомерного либо противоправного поведения), возникающих в ответ на внешние юридические и неюридические или внутренние (правосознание, здоровье, самочувствие) раздражители.

Библиографический список

1. Данилова Н. Н. Физиология высшей нервной деятельности / Н. Н. Данилова, А. Л. Крылова. – Ростов н/Д : Феникс, 2005. – 478 с.
2. Протопопов А. И. Инстинкты человека: попытка описания и классификация / А. И. Протопопов, А. В. Вязовский. – Якутск : Дани АлмаС, 2011. – 144 с.
3. Фет А. И. Инстинкт и социальное поведение / А. И. Фет. – 2-е изд. – Новосибирск : Сова, 2008. – 720 с.

References

1. Danilova N. N., Kry'lova A. L. Physiology of Higher Nervous Activity. Rostov n/D, Feniks, 2005. 478 p.
2. Protopopov A. I., Vyazovskij A. V. The Human Instincts: an Attempt to Describe and Classify. Yakutsk, Dani AlmaS, 2011. 144 p.
3. Fet A. I. Instinct and Social Behavior. 2nd ed. Novosibirsk, Sova, 2008. 720 p.

НАУКА КАК ФАКТОР ИНТЕРПОЛЯЦИИ ПРАВА

Аннотация. В статье рассматривается вероятностное влияние научных юридических теорий на качество законотворческой и правореализующей деятельности. Обозначается степень влияния научной мысли на формирование профессионального и обыденного правосознания. В статье представлена характеристика интерполяции права и ее взаимосвязи с наукой как социально значимым институтом.

Ключевые слова: интерполяция права, подмена права, искажение права, естественное право.

Yu. P. Kolesnikova

Science as a Factor of Interpolation of Law

Abstract. The article discusses the impact of scientific probability of legal theories on the quality of law-making activities and the implementation of law. Indicates the degree of influence of scientific thought on the formation of professional and ordinary legal awareness. The article also presents characteristics of interpolation law and its relationship to science as a socially significant institution.

Key words: interpolation of law, the substitution of law, distortion of the law, the natural law.

Право как первичный инструмент и основа государства всегда выступало одним из наиболее дискуссионных предметов для научной и философской аудитории. Споры о праве и в праве с первых истоков государственности порождали формирование различных школ, течений и направлений. Основой поляризации позиций при этом выступало признание теми или иными мыслителями или учеными факта наличия и значимости идейного, умозрительного права, т. е. права в его сущностном, независимом от государственно-волевого посыла содержания.

Между тем укоренение основных концепций позитивизма, безапелляционная критика неполезного идейного права со стороны прагматистов, совет-

ский легизм и другие аналогичные тенденции в юридической мысли обусловили отстранение категории умозрительного права на задний план.

Однако нельзя отрицать факт влияния концепций естественного права на широкий спектр субъектов социальных отношений. Приверженность к юснатуралистическим (естественно-правовым) тенденциям в области понимания сущности права, безусловно, формирует соответствующее научное и профессиональное правосознание. Вместе с тем то, что зарождается и возвращается юридической наукой, так или иначе оказывает постепенно спускающееся в массы воздействие на обыденное правосознание граждан, ежедневно вступающих в различные правоотношения. Такое влияние может быть оказано через средства мас-

совой информации, через интерпретации научных теорий в научной публицистике, через идеологически насыщенные художественные произведения и т. д. При этом неверно истолкованные теории часто играют негативную роль и участвуют в формировании и укреплении идей правового нигилизма, отрицания власти, способствуют восприятию действующего закона в качестве несправедливого, навязанного, необязательного к исполнению.

Так или иначе в свете вышеуказанного представляется неверным трактовать юснатуралистический (естественно-правовой) подход как не имеющий право на существование. Идея естественного права не оправдывает беззакония и вседозволенности, не возводит в абсолют угнетающую и довлеющую сущность права позитивного. Как известно, центральным положением юснатуралистической концепции выступает сущностная природа права, т. е. его бытность, а следовательно, независимость от волеизъявлений. При этом важно подчеркнуть, что юснатурализм формирует положения, согласно которым естественное право не должно выступать преобладающим и доминирующим по отношению к позитивному, но должно выступать мерилем уровня развития общества и власти и качества государственно-санкционированного права. Обратная тенденция, а именно обстоятельства, при которых осознание наличия естественных и неотъемлемых прав трансформируется в ощущение их безграничности, вероятно, выступает одной из форм интерполяции права.

Интерполяция права представляет собой подмену и искажение изначально закладываемого законодателем смысла правовых норм, а также

искажение ожидаемых законодателем правовых и социальных преобразований в процессе действия таких норм¹.

Подмена и разной степени искажения права могут осуществляться в различных формах и при помощи различных средств. Данное явление крайне очевидно, но тем не менее выступает спорным. Сущностная характеристика интерполяции может быть представлена основным тезисом — право не является чистым источником регулирования общественных отношений. Иначе говоря, право и, в частности, закон всегда опосредованы. Опосредующим фактором могут выступать слухи, бытовая интерпретация, опыт, традиции, религиозные нормы, субкультура и даже, как уже отмечалось выше, наука. При этом подобное опосредование имеет место быть и в профессиональных сферах деятельности, таких как законотворчество или, например, правоприменение. В данном случае целесообразно отметить, что при создании правовых норм нередко уполномоченные лица формируют законы и иные акты, изначально имеющие интерполяционную природу, т. е. создают такие правовые нормы, которые не соответствуют текущим социальным, экономическим, политическим, экологическим, инновационным и иным условиям, что приводит к возникновению незапланированных, нередко выходящих из-под контроля, обстоятельств.

В процессе действия созданных правовых норм интерполяция права также проявляется на уровне реализации и применения правовых норм. В частности, при вынесении решений должностные лица могут опираться на

¹ Головкин Р. Б. Сущность юридической интерполяции // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2014. № 4(33). С. 155–162.

личные установки и опыт, обобщающие мнения вышестоящих руководителей, авторитетные позиции ученых и специалистов. В качестве примера представляется возможным обозначить Кассационное определение Верховного суда Республики Татарстан от 17 марта 2011 г. по делу № 33-2799/11¹. В данном определении при установлении размера компенсации за причинение морального вреда судебная коллегия ориентировалась на методику, изложенную в работе А. М. Эрделевского «Компенсация морального вреда»². Не отрицая обстоятельность, предметную уместность и весомость указанного научного изыскания, важно подчеркнуть, что все же в данном случае имеет место подмена регулятора (судья ссылается не на норму права), что в свете позитивистской концепции, очевидно, представляется деструктивным.

Интерполируются правовые смыслы и в юридической науке, в том числе и в теории. Наука выступает одним из главных вспомогательных ресурсов законодательной и правоприменительной деятельности. Именно наука должна способствовать устранению двояких толкований, неопределенности и неверной интерпретации норм права. Наука формирует профессиональное правосознание юристов, судей, законодателей. Однако очевидно, что некоторые научные позиции выступают способствующим фактором интеграции неправовых категорий в систему правового регулирования общественных отношений. В качестве примера представляется возможным рассмотреть один из подходов к по-

нятию юридической ответственности. В теории права юридическую ответственность принято определять под двумя различными углами. Сторонники ретроспективного подхода к понятию ответственности определяют ее в качестве меры воздаяния за деяния субъекта. Это означает, что в ретроспективном ключе ответственность неразрывно связана с лицом, ее совершившим. Юридическая ответственность в таком понимании представляется вполне конкретной категорией, имеющей свою структуру, элементы и составляющие.

Вместе с тем в содержание понятия «юридическая ответственность» рядом ученых вкладывается более глубокое значение, существенно расширяющее его суть и размывающее четко очерченные грани, сформированные в рамках ретроспективного подхода. Данная теория получила наименование позитивной юридической ответственности. С позиции сторонников данного подхода юридическая ответственность представляет собой в том числе и принятие личностью значимости своего поведения в рамках правоотношений, осознание долга перед обществом и государством и т. д. Однако очевидным в данном случае является использование при аргументации истинности подхода неправовых категорий «мораль», «сознание», «долг» и др.

Вред или польза укрепления таких категорий в теории права неоднозначны. Поскольку, с одной стороны, очевидно наполнение правовой среды неправовыми элементами, а с другой стороны, наличие разноплановых и стройных научных теорий свидетельствует о высоком уровне организации

¹ URL: <http://www.gcourts.ru/case/461271> (дата обращения: 10.11.2015).

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

научного знания и обеспечивает устойчивый фундамент для научной полемики¹.

Однако если в теоретико-правовой науке и отчасти в отраслевых юридических науках такое толкование отдельных институтов может иметь созидательную природу, то в учебном и просветительском процессах очевиден деструктивный характер таких знаний. Повторимся, что применительно к последнему случаю такие знания способны не просто создавать сложности в усвоении учебного материала или восприятии преподаваемой информации, но и служить основой формирования нигилистических тенденций. Для уточнения смоделируем ситуацию, в которой студент при изучении курса дисциплин уголовного, административного, процессуального права или иных публично-правовых дисциплин усваивает от преподавателя (который в указанной ситуации, безусловно, имеет ощутимый уровень авторитета), что нормы, имеющие место быть в анализируемом кодифицированном источнике несправедливы/некорректны. Очевидно, что специалист-практик, которым впоследствии становится данный студент, будет иметь специфическое отношение к правовым актам, которыми ему предстоит руководствоваться в своей деятельности.

Таким образом, подведем итог. Наука как важнейший социальный институт способна оказывать влияние на различные стороны жизнедеятельности

общества. С помощью грамотно сформулированных научных концепций представляется возможным корректировать те или иные общественные процессы, прогнозировать изменения и задавать направления таких изменений. Исключением не является и юридическая наука. Однако столь широкие возможности такого социокультурного явления, как наука обуславливают вероятность в том числе и деструктивных проявлений при разработке и применении знаний о праве. Одними из таких проявлений, безусловно, являются подмена и искажение сущности правовых норм неправовыми регуляторами, т. е. интерполяция права. Применительно к науке интерполяция права может выражаться и в виде непризнания позитивного правового регулирования, и в виде замены его вульгарным и поверхностным толкованием фундаментальных правовых теорий (например, теории естественного права), и в виде чрезмерной критики действующего законодательства в рамках отраслевых наук, и виде активного внедрения отдельными научными сообществами неправовых структур в правовые категории и т. д. Кроме того, особое деструктивное воздействие могут оказать учебный процесс и научно-популярная публицистика, основанные на подобных научных воззрениях. Очевидно, что важно пойти по пути сглаживания данных негативных тенденций и обозначить критерии и границы подобной «вольности» мысли применительно к науке и обучению.

¹ Новиков М. В. Мера необходимого и допустимого установления правовых ограничений как условие эффективности их реализации // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2013. № 1(26). С.114–116.

Библиографический список

1. Бирюков С. В. Право, параправо, теневое право, полуправо, неправо... (об обоснованности удвоения права) / С. В. Бирюков // Вестн. Ом. ун-та. Серия «Право». – 2010. – № 4. – С. 43–49.

2. Головкин Р. Б. Сущность юридической интерполяции / Р. Б. Головкин // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2014. – № 4(33). – С.155–162.

3. Головкин Р. Б. Теоретико-методологические аспекты выработки понятия и сущностных свойств юридических измерений / Р. Б. Головкин, М. В. Новиков // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2014. – № 1(30). – С.162–167.

4. Оробинский В. Экзотические источники права / В. Оробинский // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 41. – С. 1–4.

References

1. Biryukov S. V. Right, Parapravo, Shadow Law, Polupravo, Not Right ... (Doubling the Validity of the Right). *Vestnik Omskogo Universiteta*. Ser. «Law». 2010. No. 4. P. 43–49.

2. Golovkin R. B. The Essence of the Legal Interpolation. *Vestnik Vladimirskego Yuridicheskogo Instituta*. 2014. № 4(33). P. 155–162.

3. Golovkin R. B., Novikov M. V. Theoretical and Methodological Aspects of the Development of Concepts and Essential Properties of Legal Measurement. *Vestnik Vladimirskego Yuridicheskogo Instituta*. 2014. No 1(30). P. 162–167.

4. Orobinskij V. Exotic Sources of Law. *E'ZH-Yurist*. 2014. No. 41. P. 1–4.

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ**

УДК 340.1;321.01

Ю. Г. Бубнова

**ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЛАСТИ И ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ ЕЕ
ПРОЯВЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические аспекты таких понятий, как: власть, формы ее проявления, проблемы осуществления. Автором предпринята попытка отразить элементы практической реализации абстрактных понятий на примере управленческой деятельности в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: авторитет, власть, влияние, лидерство, уголовно-исполнительная система, результативность.

Yu. G. Bubnova

**General Characteristics of the Individual Types of Power and Its Manifestations
on the Example of Subjects of Management of the Penal System**

Abstract. The article discusses theoretical aspects of such concepts as power, forms of its existence, the problems of implementation. The author attempts to reflect elements of practical realization of the abstract concepts on the basis of managerial activities in the penal system.

Key words: authority, power, influence, leadership, penal system, results.

Вопросы социального управления непосредственно зависят от различных факторов. Однако среди признаков социального управления можно выделить волевое воздействие на человека либо группу лиц с целью достижения максимального результата при минимальных затратах. Основанием такого воздействия является наличие власти у субъекта управления. Общепринято под властью понимать способность и возможность оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью каких-либо средств – воли, авторитета, права,

насилия. Однако понятие власти не является однозначным.

Так, у З. Баумана, британского социолога, понятия власти и властвования связаны с понятием свободы¹. Свобода – это способность осуществлять действие, т. е. выбирать цель и распоряжаться средствами для достижения этой цели. Обладание властью позволяет действовать более свободно, а отсутствие власти, или ее недостаток, по сравнению с другими людьми, означает, что свобода выбора ограничена решениями, которые принимают другие.

Интересная теория власти и у французского социолога Пьера Бур-

© Бубнова Ю. Г., 2015

¹ Бауман З. Индивидуализированное общество / под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2002. С. 140.

дье, который под властью подразумевал символическое превосходство¹. Для того чтобы человеку бороться за власть, ему необходимо бороться за право легитимной номинации. Человек, который имеет символическое превосходство, имеет монополию на легитимное насилие. Данную теорию объединяет с концепцией власти немецкого социолога и философа М. Вебера проблема легитимности. Вебер говорил о легитимных основаниях господства, при которых человек, который имеет власть, может изменять поведения других людей, заставлять их делать, поступать так, как хочет он даже тогда, когда они этого не хотят, – что является насилием. И Бурдьё обращал внимание на право легитимного насилия, которое есть у человека, имеющего власть.

Немного иной точки зрения придерживался основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм, который подходил к понятию власти со стороны иерархического взаимодействия². Способность оказывать воздействие на поведение другого – это основной признак иерархических взаимодействий. Отсюда следует, что власть – прежде всего влияние, которое является формой взаимодействий. Высшая форма иерархизированных социальных взаимодействий – социальная власть. Дюркгейм подчеркивал, что основой власти как формы взаимоотношений является такое средство обмена, как уступка: получатель жизненно важной и дефицитной услуги обрекает себя на повиновение, т. е. на то, что его деятельность будут контролировать, коорди-

нировать, программировать и преобразовывать. В концепциях М. Вебера и Э. Дюркгейма есть схожие элементы. По Веберу, власть – форма социальных взаимодействий. Дюркгейм также считал власть таковой. Для него власть – форма иерархизированных социальных взаимодействий, т. е. Дюркгейм в определение добавляет слово «иерархизированных». Получается, что иерархия есть форма проявления власти.

М. Вебер определил, что власть – это форма социальных взаимодействий и в то же время инструмент, обеспечивающий упорядоченный характер этих взаимодействий. Вместе с тем власть – это сложный механизм социального взаимодействия, который включает не только властные воздействия, волю, последовательность со стороны властителя, но и признание обоснованным доверия к властным действиям и ко всему порядку, системе отправления власти со стороны опекаемых. По мнению М. Вебера, человек, который имеет власть, может изменять поведение других людей, заставлять их делать, поступать так как хочет он, даже тогда, когда они этого не хотят.

Несколько иную точку зрения на власть высказывал другой французский социолог М. Фуко³. Он называл власть определенной силой. Кроме того, эта сила никогда не бывает в единственном числе, ей уже по самой ее сути приходится быть в отношении с другими силами, так что всякая сила уже является отношением, т. е. властью: у силы нет ни другого объекта, ни другого субъекта, кроме силы. Если сравнивать концепцию власти

¹ Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2007. С. 224.

² Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

³ Фуко М. Нужно защищать общество : курс лекций. М., 2005.

Фуко и концепции Вебера и Дюркгейма, то можно сказать, что власть – динамическая характеристика, а не статическая (как считали Вебер и Дюркгейм), и она не есть форма социальных взаимодействий. Власть, по Фуко, скорее, взаимоотношения сил.

Таким образом, обобщая различные концепции власти можно с полной уверенностью заявлять, что власть – это возможность влиять на поведение других. Знаменитая работа Никколо Макиавелли «Государь», появившаяся в самом начале XVI в., написана о том, что власть и манипулирование ею являются рычагами управления государством¹.

Власть может принимать разнообразные формы. М. Вебер классифицировал типы власти следующим образом:

– традиционная, в основе которой лежат механизмы традиции и ритуалы, изменение которых с течением времени происходит очень медленно, или же они вообще не меняются;

– легальная, основанная на законах, правилах и нормах;

– харизматическая, проявляющаяся за счет определенной связи между лидером и его последователями, когда он чувствует свое призвание для реализации определенной цели, а они видят в нем особые неординарные качества².

Дж. Френч и Б. Рэйвен, исследователи в области власти и лидерства (руководства), разработали, на наш взгляд, более удобную классификацию основ власти, включающую пять основных форм власти.

1. Власть примера. Характеристики или свойства влияющего настолько привлекательны для исполнителя, что он хочет быть таким же, как влияющий. Это власть, построенная не на логике, не на давней традиции, а на силе личных качеств или способностей лидера. Власть примера, или харизматическое влияние, определяется отождествлением исполнителя с лидером или влечением к нему, а также от потребности исполнителя в принадлежности и уважении.

2. Законная власть. Исполнитель верит, что влияющий имеет право отдавать приказания, и что его долг – подчиняться им. Мы исполняем приказания влияющего, так как традиция учит, что подчинение приведет к удовлетворению потребностей исполнителя. Поэтому законную власть очень часто называют «традиционной властью». Традиция – привлекательный инструмент как для организации, так и для руководителя. Она обладает огромным преимуществом – безличностью. Исполнитель реагирует не на человека, а на должность. Подчиненный повинует указанию руководителя только потому, что он стоит на более высокой ступеньке организационной иерархии³.

3. Власть, основанная на принуждении. Исполнитель верит, что влияющий имеет возможность наказывать таким образом, который помешает удовлетворению какой-то насущной потребности, или вообще может сделать какие-то другие неприятности.

4. Экспертная власть. Исполнитель представляет, что влияющий обладает особым экспертным знанием в

¹ Макиавелли Н. Государь. М., 1990.

² Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 2012. С. 768.

³ Ричард Л. Дафт. Менеджмент : учебник / под общ. ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб., 2003. С. 615.

отношении данного вопроса и принимает на веру ценность знаний руководителя. В этом случае влияние считается разумным потому, что решение исполнителя подчиниться является сознательным и логичным.

5. Власть, основанная на вознаграждении, оказывает влияние через положительное подкрепление подчиненного с целью добиться от него желаемого поведения. Исполнитель не сопротивляется этому влиянию, потому что он или она в обмен на выполнение того, что хочет руководитель, ждет получения вознаграждения в той или иной форме¹.

Результативность управленческого труда во многом зависит от сбалансированности системы применения всех видов власти. Как показывают опыт и практика, не всем руководителям удастся сочетать в себе и уметь применять все виды власти в совокупности, как правило, предпочтения отдаются лишь ее отдельным видам, что может привести к необратимым негативным последствиям в вверенном коллективе.

С целью установления форм проявления власти и эффективности их применения в деятельности руководителей учреждений и органов уголовно-исполнительной системы нами был проведен социологический опрос среди сотрудников различных структурных подразделений. В опросе приняли участие 110 чел., из которых 63 % мужчины и 37 % женщины. Возрастная категория анкетированных: в возрасте от 26 до 35 лет – 54 %, 36–45 лет – 38 %. Большинство опрошенных сотрудников (44 %) работают в уголовно-исполнительной системе от 5 до 10 лет, 28 % – от 10 до 20 лет, 15 % имеют стаж службы от 1 года

до 5 лет и 13 % проработали в системе свыше 20 лет.

Согласно нашему опросу, 68 % анкетированных эффективность результатов своей деятельности непосредственно соотносят с видами применения власти субъектом управления. Анализируя умение респондентов сочетать различные виды власти, мы пришли к следующим выводам: неудовлетворенных применяемым видом власти своего субъекта управления оказалось 7 % из числа сотрудников, возраст которых не превышал 35 лет, причем они акцентировали свое внимание на применение субъектом власти законной и власти, основанной на принуждении. 68 % опрошенных, классифицируя власть субъекта управления в равном процентном соотношении, оценили ее как власть, основанную на законе, и в то же время как власть, основанную на личных качествах руководителя, причем чуть больше половины отдали предпочтение «власти эксперта». К сожалению, харизматичной личностью своего субъекта управления признали лишь 23 % опрошенных сотрудников, причем в большинстве случаев эта оценка была дана сотрудниками женского пола. Власть, основанная на вознаграждении, имеет ограниченный характер применения, однако 28 % анкетированных смогли вспомнить примеры и факты применения данного вида власти.

Кроме того, нас интересовало мнение сотрудников по поводу того, какое отношение к ним проявляют руководители как обладатели различных видов власти, и от чего зависит это отношение.

¹ French J. R. P., Raven B. The Bases of Social Power. In: Cartwright D. and Zander A. Group Dynamics. New York, 1959.

52 % опрошенных считают, что руководители проявляют доброжелательное отношение ко всем сотрудникам, независимо от их профессиональных достижений, 8 % думают, что отношение зависит от настроения руководителя, 28 % считают, что руководители проявляют доброжелательное отношение только к грамотным специалистам, а 12 % уверены, что руководители выделяют только своих «любимчиков», независимо от их профессиональной компетентности. Установить зависимость отношений, складывающихся между руководителем и подчиненными, от наличия и возможности применения различных видов власти помогли результаты опроса: 48 % респондентов считают, что доброжелательное отношение ко всем сотрудникам проявляют руководители, применяющие главным образом власть, основанную на законе.

Стиль работы непосредственного начальника при выполнении служебных задач участники опроса характеризуют следующим образом: 23 % сотрудников отмечают, что начальники советуются со всеми членами коллектива; 30 % – прислушиваются к мнению только отдельных сотрудников; 13 % – перекладывают выполнение задач с себя на коллектив. 30 % опрошенных сотрудников считают, что их непосредственный начальник дает четкие указания и своевременно контролирует их выполнение, и 4 % – что начальник сам выполняет всю ответственную часть работы, не доверяя ее никому. Таким образом, мы видим, что около половины опрошенных нами сотрудников в целом характеризуют стиль управления, выбранный руководством, как административный стиль, с ограниченным участием сотрудников в процессе управления, когда незначительная часть управленческих функций делегируется подчиненным.

Здесь подразумевается использование каких-либо предложений или идей, исходящих от сотрудников. Отдельным рабочим группам предлагается решить вопросы планирования и дать рекомендации. Однако конечное решение принимается руководителем.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы: сотрудники, имеющие большой стаж работы в уголовно-исполнительной системе, обладая определенными навыками, опытом и спецификой деятельности, оценивают субъекта управления как руководителя, применяющего в первую очередь власть закона. Второе место по значимости занимает власть, основанная на личностных качествах руководителя, причем большее внимание заслуживает власть эксперта. По оценкам опрошиваемых можно судить о доброжелательном отношении со стороны непосредственного субъекта управления к членам коллектива, к их мнению, что дает основания предположить о возможном применении партисипативных методов управления.

Власть принуждения испытывают на себе лишь небольшая часть анкетированных, и мы это связываем с возрастными характеристиками и стажем работы.

Однако необходимо отметить, что около 70 % анкетированных испытывали затруднения в вопросе, какому виду власти отдать предпочтение. Данное обстоятельство объясняется тем, что выделить какой-то один вид власти, наиболее часто применяемый среди субъектов управления, оказалось практически невозможно.

Применение того или иного вида власти дает основание говорить о формировании определенного стиля в управлении, на который, как нам известно, могут влиять различные

внешние и внутренние факторы. В качестве слабого проявления представленных нами видов власти оказались власть харизматичная и власть, основанная на поощрении сотрудников. Однако данные показатели легко объяснимы с учетом специфики функционирования уголовно-исполнительной системы.

Итак, анализируя результаты опроса и констатируя факт удовлетворения своим руководством, можно с

уверенностью утверждать о том, что на должности руководящего состава структурных подразделений в уголовно-исполнительной системе назначаются лица из числа наиболее опытных, компетентных, умеющих находить подход к подчиненным и грамотно сочетать и реализовывать власть в различных ее проявлениях.

Библиографический список

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман ; под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
2. *Вебер М.* Избранное. Образ общества / М. Вебер. – СПб. : Центр гуманитар. инициатив, 2012. – 768 с.
3. *Дафт Ричард Л.* Менеджмент / Ричард Л. Дафт ; под общ. ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб. : Питер, 2003. – 832 с.

References

1. *Bauman Z.* Individualized Society. Ed. by V. L. Inozemtcev. M., Logos, 2002. 390 p.
2. *Weber M.* Favorites. The Image of Society. SPb., Centr Gumanitarny'kh Inicativ, 2012. 768 p.
3. *Daft Richard L.* Management. Ed. by Yu. N. Kapturevskij. SPb., Piter, 2003. 832 p.

А. В. Кудрявцев

**ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные аспекты сущности и содержания оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений. Анализируются некоторые особенности данной деятельности, характерные для учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Автором обозначается ряд проблем в сфере оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных в уголовно-исполнительной системе, и предлагаются варианты их решений.

Ключевые слова: оперативно-розыскное обеспечение, преступление, криминалистическое обеспечение, уголовно-исполнительная система.

A. V. Kudryavcev

**Operative-investigative and Forensic Software Investigate Crimes Committed
in the Penal System: Some of the Problems and Solutions**

Abstract. The article deals with some aspects of the nature and content of operational-investigative and forensic software investigate crimes. Analyzes some features of the activities specific to the bodies and institutions of the penal system. The author establishes a number of problems in the sphere of operative-investigative and forensic software investigate crimes committed in the penal system, and proposes options for their solutions.

Key words: operational-investigative support, a crime, forensic software, penal system.

В настоящее время вопросы противодействия пенитенциарной преступности вызывают большой интерес как в практическом, так и в научном аспекте. Все направления данной деятельности имеют специфику, обусловленную особенностями пенитенциарной среды, исправительных учреждений, контингента лиц, отбывающих наказание, и т. п. Не является исключением и процесс расследования преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС).

Результаты проводимых исследований свидетельствуют о том, что на

эффективность данного процесса серьезное влияние оказывает оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение (это отметили около 80 % респондентов из числа оперативных работников учреждений и органов УИС 18 регионов страны, участвовавших в проведенном нами опросе). Особенностью оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения является и то, что его осуществляют именно сотрудники оперативных подразделений.

Сотрудники оперативных подразделений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность

(далее: ОРД), в том числе ФСИН России, участвуют в раскрытии преступлений в рамках как уголовного, так и оперативно-розыскного процесса, что вытекает из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ об ОРД)¹.

Именно с ОРД чаще всего начинается активная работа по раскрытию преступлений. Названная деятельность по времени ближе к моменту обнаружения преступлений, в идеале ведется по горячим следам и решает задачи не только выявления, предупреждения, пресечения, раскрытия преступлений, но также выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, и иных обстоятельств совершенного деяния. Следовательно, в процессе ОРД выявляются как факты совершения преступлений, так и причастные к ним лица, а ее результаты могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела².

Впервые дефиниция «оперативно-розыскное обеспечение» была сформулирована в нормативных документах МВД СССР в 1984 г. Однако было бы неверным считать, что данная проблема до этого времени не была в поле зрения научных и практических работников правоохранительных органов. Ранее данные вопросы широко рассматривались, в том числе и в дискуссионном плане, но в основном в аспекте взаимодействия. Пристальное внимание исследованию вопросов

оперативно-розыскного обеспечения следствия было уделено после создания в 1963 г. следственных подразделений в органах внутренних дел.

В дальнейшем и по сей день вопросы теоретического содержания данного направления ОРД являются предметом научных изысканий и дискуссий. Не ставя перед собой задачу рассмотрения различных точек зрения по анализируемому вопросу, отметим, что, по нашему мнению, оперативно-розыскное обеспечение раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в УИС, представляет собой систему мер, осуществляемых субъектами ОРД по выявлению и собиранию фактических данных, обеспечивающих: своевременность и обоснованность возбуждения уголовного дела по факту преступного деяния; доказывание виновности лиц, принимавших участие в его совершении; нейтрализацию противодействия криминальной среды объективному расследованию; исполнение функции защиты участников уголовного судопроизводства и полной реализации принципа неотвратимости ответственности виновных за содеянное.

К наиболее актуальным задачам, решаемым в рамках оперативно-розыскного обеспечения расследования и судебного разбирательства преступлений в УИС, относятся следующие:

– сбор, анализ, систематизация, обеспечение сохранности и последующая легализация фактических данных, указывающих на признаки преступлений, совершенных в пенитенциарной системе, и пригодных для принятия процессуальных решений;

¹ Рос. газ. 1995. 18 авг.

² Оперативно-розыскная деятельность / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004 С. 76 ; Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006. С. 84.

– установление лиц, причастных к совершению преступного деяния, а также очевидцев (свидетелей) произошедшего;

– осуществление оперативной (в том числе внутрикамерной) разработки участников преступления с целью получения информации об обстоятельствах его совершения;

– выявление и документирование попыток противодействия расследованию в различных формах;

– оказание содействия следствию по проверке оперативно-розыскными силами, средствами и методами выдвинутых по уголовному делу версий;

– выявление и документирование ранее неизвестных фактов и эпизодов противоправной деятельности фигурантов уголовного дела;

– розыск скрывшихся от следствия и суда участников уголовного процесса и т. д.

Решение указанных задач требует комплексного и согласованного применения уголовно-процессуальных, криминалистических и оперативно-розыскных сил, средств и методов для эффективного их исполнения.

Оперативными сотрудниками УИС осуществляется также и криминалистическое обеспечение расследования пенитенциарных преступлений. Под ним, на наш взгляд, следует понимать используемую оперативными сотрудниками и лицами, производящими расследование систему криминалистических знаний, навыков и умений, а также готовность данных лиц к их эффективному использованию в рамках своей профессиональной деятельности.

Проведенное нами исследование фактической реализации указанных направлений деятельности свидетельствует о существенных недостатках в их реализации.

Большинство (78,9 %) опрошенных нами руководителей оперативных подразделений учреждений и органов УИС, отвечая на вопрос о том, как они оценивают качество оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений в УИС на современном этапе, назвали его низким. По мнению респондентов, основной причиной данной ситуации является недооценка возможностей ОРД при обеспечении расследования как со стороны лиц, его производящих, так и со стороны оперативных работников.

Кроме того, 79 % опрошенных практических работников оперативных подразделений на вопрос, считают ли они достаточным уровень знаний и практических навыков оперативных работников и лиц, производящих расследование, в области криминалистики для эффективного выявления и расследования преступлений, совершаемых в УИС, ответили, что считают их недостаточными. Решением данной проблемы могло бы стать более качественное обучение будущих оперативных работников особенностям криминалистического обеспечения расследования пенитенциарных преступлений в образовательных организациях ФСИН России.

Доказывание виновности подозреваемых, по действующему законодательству, составляет сущность раскрытия преступлений¹, является оди-

¹ Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975 ; Лузгин И. М. Расследование как процесс познания. М., 1969 ; Михайлов В. А. Организация раскрытия и расследования преступлений // Тр. Акад. МВД России. М., 1995 и др.

наково обязательной функцией уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности (ст. 2 УПК РФ, ст. 2 ФЗ об ОРД). Ее организационно-тактическое исполнение субъекты ОРД и уголовного процесса могут осуществлять автономно, согласованно или совместно.

Следует учитывать, что на первоначальном этапе расследования пенитенциарных преступлений, в особенности групповых¹, задача полноты доказывания самого события и состава преступления, виновности лиц, подозреваемых в их совершении, степени участия в совершении деяния конкретных лиц имеет определяющее значение для принятия последующих процессуальных решений (избрание меры пресечения, предъявления обвинения и др.) по закреплению имеющихся и отысканию дополнительных доказательств.

При этом, исходя из конкретной следственной ситуации², сложившейся на первоначальном этапе расследования пенитенциарных преступлений, вытекает необходимость планирования единовременного или согласованного осуществления оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. Теоретически реализация планируемых мероприятий может осуществляться в различных организационных формах: посредством создания следственно-оперативных групп; взаимодействия коллективных субъектов уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности; индивидуального взаимодействия следователя с оперативными сотрудниками УИС.

К формам взаимодействия между следователями различных ведомств и оперативными подразделениями УИС России, осуществляемого в процессе расследования преступлений, можно отнести следующие: предоставление результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд при наличии в них достаточных данных, указывающих на признаки преступления; выполнение поручения дознавателя, органа дознания, следователя, судебного решения о проведении оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлениях, находящимся в производстве; исполнение требования суда (судьи) о предоставлении документов по находящейся у него на рассмотрении жалобе лица, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, что при этом были нарушены его права, о непредоставлении или предоставлении не в полном объеме органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведений о полученной об этом лице информации в пределах, допускаемых требованиями конспирации и исключаящих возможность разглашения государственной тайны; исполнение требования суда о предоставлении документов по уголовным делам, находящимся в его производстве, и по указанным в ст. 15 Федерального закона от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных

¹ Подавляющее большинство таких характерных для пенитенциарной системы преступлений, как: побеги, захваты заложников, массовые беспорядки, дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, – совершаются в группе.

² Драпкин Л. Я. Основы криминалистической теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987. С. 123–157.

инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обороны страны и безопасности государства»¹ судебным иском.

Указанные формы взаимодействия нашли отражение в межведомственной Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд².

Подводя итог, следует заметить, что обозначенные меры, направленные на повышение эффективности оперативно-розыскного и криминалистического обеспечения расследования преступлений, совершенных в

УИС, позволяют лишь отчасти решить проблемы, возникающие при реализации данного направления деятельности оперативных подразделений. С учетом возрастающей степени организованности преступной деятельности осужденных, их связей при совершении преступлений с преступниками на свободе, использования технических средств для достижения преступных целей вопросам изучения мер совершенствования оперативно-розыскного обеспечения расследования преступлений, совершенных в УИС, должно уделяться самое пристальное внимание.

Библиографический список

1. Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций : монография / Л. Я. Драпкин. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – 164 с.
2. Лузгин И. М. Расследование как процесс познания / И. М. Лузгин. – М. : Изд-во ВШ МВД СССР, 1969. – 178 с.
3. Оперативно-розыскная деятельность / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2004. – 848 с.
4. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. – М. : Инфра-М, 2006. – 832 с.

References

1. *Drapkin L. Ya.* Basic Theory of Investigative Situations. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, 1987. 164 p.
2. *Luzgin I. M.* Investigation of the Process of Cognition. M., Izdatel'stvo VSh MVD SSSR, 1969. 178 p.
3. Crime Detection. Ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinskij, G. K. Sinilov, A. Yu. Shumilov. 2nd ed., rev. and enl. M., Infra-M, 2004. 848 p.
4. The Theory of Crime Detection. Ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinskij, G. K. Sinilov. M., Infra-M, 2006. 832 p.

¹ Рос. газ. 2008. 7 мая.

² Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд : приказ МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России от 27 сент. 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68 // Рос. газ. 2013. 13 дек.

Н. Е. Кудрявцева

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ
ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ,
СВЯЗАННЫХ С РАСХОДОВАНИЕМ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ,
В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ**

Аннотация. В статье рассматриваются сущность первоначального этапа расследования хищений, связанных с расходованием бюджетных средств, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, а также обосновывается необходимость разработки методов первоначального этапа расследования преступлений, связанных с посягательствами на средства, выделяемые из бюджета.

Ключевые слова: метод, расследование, бюджетные средства.

N. E. Kudryavceva

**Some Aspects of the Application of an Initial Stage of Investigation of Theft
Related to Spending of Budget Funds, Bodies and Institutions of Penal System**

Abstract. The article discusses the essence and content of the initial stage of investigation of theft related to the expenditure of budgetary funds, the organs and institutions of the penal system, as well as the necessity of development of methods of initial stage of investigation of crimes related to assaults on funds allocated from the budget.

Key words: method, investigation, budget resources.

Экономические преступления в целом и хищения, связанные с расходованием бюджетных средств, в частности, – одни из наиболее трудных для расследования. Это вызвано тем, что в основе их лежат исключительно сложные схемы присвоения преступниками государственных средств, денег негосударственных организаций и частных лиц. Проблема усугубляется наличием пробелов в законодательстве, позволяющих преступникам обойти те или иные нормативные правовые акты. Экономические преступления, как правило, являются трудоемкими в расследовании, сложными в сущности познаваемых деяний, нередко многоэпизодны, со-

вершаются организованной преступной группой. Преступники оказывают активное противодействие, что вызывает необходимость постоянного оперативного сопровождения расследования. Для преступлений данного вида характерна высокая степень информационной неопределенности, порожденная дефицитом ориентирующей и доказательственной информации.

В связи с этим мы поддерживаем мнение В. А. Образцова и Л. В. Бертовского, которые во введении своей книги, посвященной расследованию экономических преступлений, отмечают, что достигнутые на этом фронте правоприменительной деятельности успехи явно проигрывают по сравнению с неудачами².

© Кудрявцева Н. Е., 2015

² Бертовский Л. В., Образцов В. А. Выявление и расследование экономических преступлений : учеб.-практ. изд. М., 2003. С. 4.

Расследование преступления экономической направленности, особенно в его начальной стадии, – сложная организационно-управленческая и интеллектуально-емкая задача. Наиболее важным с практических и научных позиций, на наш взгляд, является первоначальный этап расследования. Именно он определяет криминалистический и процессуальный успех раскрытия рассматриваемых преступных деяний, всесторонность и полноту предварительного расследования, объективность и обоснованность результатов судебного рассмотрения.

В качестве первоначального этапа может рассматриваться стадия предварительной проверки, которая начинается с момента получения и оценки исходной информации и других элементов ситуации и завершается возбуждением уголовного дела. Характерное отличие этого этапа от последующих за ним по многим делам, связанным с выявлением и раскрытием латентных преступлений, которыми в большей части являются экономические преступления, состоит в том, что именно в начале расследования решается основная задача – «собрать достаточные данные, указывающие на то, что исследуемое событие содержит признаки преступления и имеются все основания для возбуждения уголовного дела»¹.

Констатируя вышесказанное, можно сформулировать следующие, отличающие первоначальный этап от других, специфические признаки, характерные для расследования преступлений рассматриваемого вида:

– недостаточность информации о событии преступления, личности, форме вины преступника и других обстоятельствах, имеющих значение для дела;

– активное взаимодействие следственных и оперативных работников, привлечение к расследованию иных органов, организаций и общественности;

– интенсивный поиск доказательств, осуществляемый путем производства тактических операций и оперативно-розыскных мероприятий;

– максимальная оперативность в закреплении обнаруженных доказательств².

Анализ следственной практики, проведенный М. В. Ляминим, свидетельствует о том, что основа для оптимальной познавательной деятельности закладывается на первоначальном этапе расследования преступлений, который при надлежащей постановке работы следственного аппарата достаточно непродолжителен. Исходя из анализа практики, он делает вывод, что одной из важных причин слабой результативности расследования на первоначальном этапе является недостаточное использование криминалистических возможностей для собирания ориентирующей информации и доказательств³.

Подтверждают указанный тезис и результаты проведенного нами опроса. Так, 76 % опрошенных практических работников считают первоначальный этап расследования хищений, связанных с расходованием бюджетных средств в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, периодом наиболее активного сбора и оценки

¹ *Образцов В. А.* Теоретические и методологические предпосылки криминалистического изучения первоначального этапа расследования // Проблемы оптимизации первоначального этапа расследования преступлений. Свердловск, 1988. С. 23.

² *Лямин М. В.* Использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. С. 100.

³ Там же. С. 102.

доказательственной информации; 49 % полагают, что этот этап предопределяет успех в выяснении всех обстоятельств расследуемого уголовного дела, а мнения о том, что он особого значения не имеет, придерживается менее 1 % респондентов. Приведенные данные свидетельствуют о том, что абсолютное большинство практических работников придают рассматриваемому этапу первостепенное значение в структуре предварительного расследования.

Основу любой познавательной деятельности, к которой мы относим в том числе и расследование, должен составлять метод этой деятельности. Причем метод может быть различным: эмпирический, полученный путем многократных проб и ошибок, в том числе и из личного опыта следователя, или сформированный в результате научных обобщений и выводов. Одной целеустремленности расследования, особенно в современных условиях, недостаточно. Как указывается в специальной литературе, достижение целей уголовного преследования в значительной степени обуславливается использованием различных методов научного познания. Обеспечивая надлежащую организацию деятельности следователя по познанию и доказыванию обстоятельств события преступления в условиях острого дефицита информации, они выполняют как познавательную, так и организующую доказывание управленческую функцию¹.

Следует отметить значение методов для формирования частных кри-

миналистических методик, в частности, методики расследования хищений средств, выделяемых из бюджета, в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы.

Криминалистические методики расследования отдельных видов преступлений выполняют основную прикладную функцию криминалистики – содействие борьбе с преступностью. Частные методики представляют собой советы, относящиеся к организации расследования, выбору и применению с учетом определенных обстоятельств технико-криминалистических средств и криминалистических приемов и обоснований этих рекомендаций в виде определенных научных или эмпирических положений². Они выступают комплексами научно обоснованных рекомендаций по выбору наиболее эффективного пути проведения расследования преступлений.

При этом криминалистические методики часто не отвечают установленным требованиям.

И. А. Возгрин, анализируя общие положения криминалистической методики, выделяет в них часть, посвященную изучению различных аспектов деятельности по организации раскрытия, расследования и предупреждения преступлений и разработке ее важнейших теоретических положений. Составляющий элемент этой части – криминалистическое учение о методах раскрытия, расследования и предупреждения преступлений³. Тем самым констатируется, что кримина-

¹ Григорьева М. А. Криминалистический сравнительный анализ как метод выявления и расследования нарушения правил безопасности при ведении строительных работ // Рос. следователь. 2010. № 18. С. 2.

² Белкин Р. С. Курс криминалистики. М., 1997. Т. 3. С. 302–303.

³ Возгрин И. А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003. С. 80–81.

листическое учение о методах расследования присутствует как самостоятельная часть в теоретическом разделе криминалистической методике.

Тесную связь между методом расследования и криминалистической методикой обстоятельно проанализировал С. Н. Чурилов¹.

То есть можно утверждать, что метод есть важный элемент в системе расследования, но эта важная часть расследования оказывается четко не выражен-

ной в основном результате криминалистики – методике расследования преступлений.

Таким образом, налицо актуальность вопросов, сущность которых состоит в необходимости совершенствования методологической составляющей частных криминалистических методик путем разработки методов первоначального этапа расследования преступлений, связанных с посягательствами на средства, выделяемые из бюджета.

Библиографический список

1. *Бертовский Л. В.* Выявление и расследование экономических преступлений : учеб.-практ. издание / Л. В. Бертовский, В. А. Образцов. – М. : Экзамен, 2003. – 256 с.
2. *Возгрин И. А.* Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография / И. А. Возгрин. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 475 с.
3. *Лямин М. В.* Использование криминалистических методов при расследовании взяточничества в правоохранительных органах : дис. ... канд. юрид. наук / Лямин Михаил Викторович. – Саратов, 2003. – 231 с.
4. *Чурилов С. Н.* Криминалистическая методика: история и современность / С. Н. Чурилов. – М. : Маркетинг, 2002. – 370 с.

References

1. *Bertovskij L. V., Obrazcov V. A.* Detection and Investigation of Economic Crime. М., E'kzamen, 2003. 256 p.
2. *Vozgrin I. A.* Introduction to Criminology: History, Basic Theory, a Bibliography. SPb., Yuridicheskij Centr Press, 2003. 475 p.
3. *Lyamin M. V.* Using Forensic Techniques in the Investigation of Bribery in the Police. Saratov, 2003. 231 p.
4. *Churilov S. N.* Forensic Technique: History and Modernity. М., Marketing, 2002. 370 p.

¹ Чурилов С. Н. Криминалистическая методика: история и современность. М., 2002. С. 54.

Д. А. Лепёшин, Н. В. Лепёшина

НОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СУДЕ ВТОРОЙ ИНСТАНЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ

Аннотация. Статья посвящена анализу изменений, внесенных в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и касающихся вопросов, связанных с признанием и исследованием новых доказательств в суде второй инстанции.

Ключевые слова: гражданский процесс, доказательства, апелляционная инстанция.

D. A. Lepyoshin, N. V. Lepyoshina

New Evidence in the Court of Second Instance in Civil Cases

Abstract. This article analyzes the changes in civil procedure law, dealing with matters related to the recognition and investigation of new evidence in the court of second instance.

Key words: civil procedure, evidence, the appellate court.

Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ изменены правила принятия новых доказательств в суде второй инстанции.

По данной новелле гражданского процесса, учитывая пятилетний опыт правоприменительной практики, сложилось два мнения. Одни авторы полагают, что исследование новых доказательств носит исключительный характер. Вторая позиция является обратной, ставит во главу угла вопросы объективной истины по делу, допуская исследование новых доказательств ради достижения целей судопроизводства.

В связи с этим усматривается необходимость разработки надлежащих процессуальных форм, позволяющих принимать законные, обоснованные и справедливые решения, а также создания надлежащего механизма их

проверки в суде апелляционной инстанции.

По смыслу ст. 327.1 ГПК РФ во взаимосвязи со ст. 327 ГПК РФ суд апелляционной инстанции оценивает имеющиеся в деле, а также дополнительно представленные доказательства с применением правил, установленных для исследования доказательств в суде первой инстанции (ч. 1 ст. 157 ГПК РФ).

При оценке имеющихся в деле доказательств суд апелляционной инстанции не просто исследует эти доказательства, а оценивает правильность выводов суда первой инстанции относительно данных доказательств, их значения для рассматриваемого дела. В отдельных случаях вторая инстанция может прийти к иным выводам по итогам оценки доказательств, чем суд первой инстанции.

Необходимость правильного исследования доказательств, в том числе и в суде апелляционной инстанции,

© Лепёшин Д. А., Лепёшина Н. В., 2015

¹ Рос. газ. 2010. 13 дек.

усматривается из разъяснений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2012 г. № 29 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции»¹. В соответствии с п. 24 данного постановления суд кассационной инстанции при обнаружении допущенного нарушения норм процессуального права при исследовании и оценке доказательств, приведшего к судебной ошибке существенного и непреодолимого характера, должен учесть это обстоятельство при рассмотрении жалобы.

Правила полной апелляции позволяют суду второй инстанции принимать новые доказательства без ограничения.

Предметом данного исследования являются вопросы принятия и исследования новых доказательств при рассмотрении дел по правилам неполной апелляции (ч. 1 ст. 327, абз. 2 ч. 1 ст. 327.1 ГПК РФ).

Обращаем внимание, что основным и определяющим признаком неполной апелляции является запрет на свободное представление сторонами новых доказательств в суд второй инстанции².

Нельзя не согласиться с тем фактом, что данный запрет отвечает требованиям процессуальной экономии, которая высоко оценивается в практической работе.

Однако при разрешении споров нельзя допускать формализма и нарушений законности, диспозитивности, состязательности, объективной (судебной) истины и других принципов процессуального права. Не случайно вопрос о принятии новых доказательств в суде второй инстанции законодателем, с учетом рекомендаций постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»³, по нашему мнению, либерализован.

Между тем новые доказательства в силу закона в апелляционной жалобе, по общему правилу, фигурировать не должны, за исключением ситуации, когда такие доказательства невозможно было представить по причинам, не зависящим от лиц, участвующих в деле⁴.

Вопрос о принятии новых доказательств решается исключительно судом апелляционной инстанции, а не судом, принимающим жалобу, и при этом выносится отдельное мотивированное протокольное определение. Вопрос о признании уважительными причин непредставления лицами, участвующими в деле, доказательств суду первой инстанции отнесен к исключительной компетенции суда второй инстанции⁵.

¹ Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2013. № 2.

² *Поспелов Б. И.* Проблемы правового регулирования полномочий суда апелляционной инстанции в гражданском процессе // Арбитраж. и гражд. процесс. 2012. № 3. С. 31–35.

³ Рос. газ. 2012. 29 июня.

⁴ *Чурилов Ю.* Апелляция по Пленуму // ЭЖ-Юрист. 2012. № 27. С. 5.

⁵ О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 19 июня 2012 г. № 13.

Процедура разрешения вопроса о принятии новых доказательств следующая.

Суд ставит на обсуждение вопрос о принятии дополнительных (новых) доказательств. Ходатайство подобного рода рассматривается с учетом мнения лиц, участвующих в деле и присутствующих в судебном заседании. Суд второй инстанции дает оценку характеру причин (уважительный или неуважительный) невозможности представления дополнительных (новых) доказательств в суд первой инстанции.

Принятие новых доказательств связано с необходимостью обоснования апелляционным судом уважительности причин, суд должен указать мотивы для принятия дополнительных доказательств.

В судебной практике на оценку причин непредставления доказательств в суд первой инстанции в качестве уважительных влияют в том числе и следующие процессуальные нарушения, допущенные судом первой инстанции:

– несоблюдение судом ст. 56 ГПК РФ при определении обстоятельств, имеющих значение для дела, неправильное распределение обязанности доказывания;

– оценка доказательств с нарушениями ст. 67 ГПК РФ, произведенная без всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования имеющихся в деле доказательств, а равно без учета относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства в отдельности, а также достаточности и взаимной связи доказательств в их совокупности;

– нарушение ст. 249 ГПК РФ ввиду неистребования доказательств по своей инициативе для правильного разрешения дела;

– нарушение п. 4 ст. 67 ГПК РФ, при котором судом в решении не приводятся мотивы, средства обоснования выводов, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими.

Для исключения подобных нарушений рекомендуем своевременно разъяснять положения п. 1 ст. 57 ГПК РФ и своевременно предлагать представить имеющиеся доказательства до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом. В случае соблюдения данных положений судом ссылаясь апелланта на то, что он не мог установить дополнительно подлежащие доказыванию обстоятельства, не может быть расценена уважительной причиной непредставления доказательства¹.

Вопрос об исследовании новых доказательств может быть поставлен не только в жалобе, но и непосредственно в суде апелляционной инстанции. Обращаем внимание на то, что суд апелляционной инстанции не вправе отказать в удовлетворении ходатайств о принятии новых доказательств на том основании, что они не были удовлетворены судом первой инстанции.

В каждом случае при разрешении данного вопроса необходимо проверять добросовестность действий лица, предоставляющего доказательства, на котором также лежит бремя доказывания обстоятельств, определяющих невозможность представления дополнительных доказательств в суд первой инстанции. Полагаем, что важной задачей

¹ *Бабенко А. Н., Гармаш А. В.* Оценка дополнительных доказательств в арбитражном суде апелляционной инстанции (на примере постановлений Третьего арбитражного апелляционного суда) // Журн. рос. права. 2013. № 2. С. 84–92.

суда предстают выявление и пресечение случаев злоупотребления правом.

При оценке поведения лица как злоупотребления правом должен быть установлен умысел. Фактическая невозможность исполнения обязанности доказывания (в том числе в силу неграмотности стороны, утраты ею доказательств по делу и т. п.) не является противоправной.

Полагаем, что лишь умышленное недоказывание оснований своих требований или возражений сторонами гражданского процесса является злоупотреблением процессуальным правом.

О злоупотреблении процессуальным правом можно говорить в случаях, когда лицо под видом осуществления доказательственной деятельности пытается скрыть действительные обстоятельства дела, ввести суд в заблуждение либо затянуть судебное разбирательство.

Отличительным признаком злоупотребления процессуальным правом считается отсутствие у лица цели получения судебной защиты. Когда задача спорящего состоит не в получении защиты действительного права, а в затягивании процесса, имеет место сутяжничество¹.

Одним из наиболее распространенных злоупотреблений является неожиданное и при этом позднее предоставление доказательств, с которыми не ознакомлен оппонент недобросовестной стороны, в самом конце гражданского процесса либо их представление в суд вышестоящей инстанции при пересмотре дела. В первой инстанции нарушение нормы о раскрытии доказательств на этапе подготовки дела к судебному разбирательству (ст. 149 ГПК РФ) не обеспечено

необходимыми санкциями. В связи с этим в подобных ситуациях необходимо разрешать вопрос о принятии новых доказательств, анализируя в совокупности добросовестность действий лиц и правовую необходимость в принятии новых доказательств.

Суду первой инстанции предлагаются следующие меры защиты против рассматриваемого недобросовестного поведения участников процесса.

Суд в силу ч. 1 ст. 68 ГПК РФ в обоснование своих выводов вправе принимать объяснения добросовестной стороны, если лицо удерживает находящиеся у него доказательства и не представляет их суду при разъяснении о необходимости их предоставления.

Кроме того, основываясь на положениях ч. 3 ст. 79 ГПК РФ, суд вправе признавать факт, для подтверждения которого назначается экспертиза, установленным или не установленным в зависимости от того, какая сторона уклоняется от проведения экспертизы.

Отдельно остановимся на условиях принятия новых доказательств. Законодателем не определен их исчерпывающий перечень, поэтому в каждом деле усматривается индивидуальный подход.

Доказательства подлежат принятию ввиду необоснованного отклонения судом первой инстанции ходатайств лиц, участвующих в деле, об истребовании, о приобщении к делу, об исследовании дополнительных (новых) письменных доказательств либо ходатайств о вызове свидетелей, о назначении экспертизы, о направлении поручения; принятия судом решения об отказе в удовлетворении иска (заявления) по причине пропуска срока исковой давности или пропуска

¹ Добровольский В. И. Актуальные вопросы арбитражного законодательства: о чем молчит Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. М., 2010. 312 с.

установленного федеральным законом срока обращения в суд без исследования иных фактических обстоятельств дела. Для лиц, не привлеченных к участию в деле, право представления новых доказательств практически ничем не ограничено, так как они вообще были лишены возможности реализовать свои процессуальные права¹.

При выявлении оснований для принятия доказательств предлагаются следующие варианты мотивировочных частей:

(при принятии)

«Истцом непосредственно в судебном заседании суда апелляционной инстанции как возражения на апелляционную жалобу представлена справка о рыночной стоимости спорного объекта, оснований не принять которую у судебной коллегии в соответствии с абз. 2 части 2 ст. 327 ГПК РФ не имелось»;

«Как установлено, истица не могла представить доказательства, подтверждающие ее позицию по делу, так как суд первой инстанции надлежащим образом не разъяснил ей правила ст. 12, 56 ГПК РФ относительно необходимости предмета доказывания по данному иску, как видно из дела, после исследования письменных доказательств по делу вопрос о намерениях истца представить суду дополнительные доказательства – суд первой инстанции в судебном заседании не выяснил и постановил решение по имеющимся доказательствам, в то время как истица готова была представить суду рассматриваемые новые доказательства. В данном случае новые доказательства подлежат принятию

ввиду их непредставления по уважительным причинам».

«Данные доказательства подлежат принятию, поскольку по уважительной причине ответчики не смогли их представить в суд первой инстанции ввиду неизвещения о дате, времени и месте судебного заседания».

(при отказе в принятии)

«Дополнительные (новые) доказательства не могут быть приняты судом апелляционной инстанции, поскольку из материалов дела следует, что в ходе рассмотрения дела судом первой инстанции приведенные выше ходатайства не заявлялись, сторона не приводит обоснование невозможности совершения данных процессуальных действий в районном суде»;

«Как усматривается из протокола судебного заседания, суд неоднократно предлагал ответчику представить в суд доказательства, в том числе путем проведения по делу судебной экспертизы, однако таких ходатайств от ответчика не поступило. В этой связи довод об отсутствии возможности предоставить относимые доказательства в суд первой инстанции не может быть принят во внимание.

Во-вторых, из содержания п. 29 Постановления № 13 усматривается ряд исключений из общего правила о недопустимости представления новых доказательств даже в том случае, если апелляция проходит по правилам гл. 39 ГПК РФ».

Речь идет о ситуациях, когда суд первой инстанции неправильно определил обстоятельства, имеющие значение для дела, либо эти обстоятельства не доказаны, в том числе по причине неправильного распределения

¹ О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 19 июня 2012 г. № 13.

бремени доказывания. Надо полагать, что данные разъяснения в значительной степени дают возможность апелляционной инстанции устранить допущенные нарушения для правильного разрешения дела.

В случае выявления на практике подобных процессуальных ситуаций, например, отсутствие наследственного дела по соответствующему спору, подлинника расписки о займе при взыскании суммы долга, предлагаются следующие варианты приведения мотивов при принятии необходимых доказательств.

«Учитывая, что судом первой инстанции не определены обстоятельства, имеющие значение для дела, допущена недоказанность этих обстоятельств, в том числе по причине нераспределения (неправильного распределения) обязанностей по доказыванию, судебной коллегией по ходатайству истца (ответчика) расширен круг доказательств по делу».

«При проверке доводов апелляционной жалобы в целях установления обстоятельств, имеющих правовое значение, а именно... необходимо истребовать для приобщения к материалам дела в качестве новых доказательств... Принятие указанных новых доказательств необходимо для надлежащего установления значимых для дела обстоятельств, не исследованных судом первой инстанции».

«Указанные доказательства приняты судебной коллегией, поскольку судом первой инстанции неправильно определены обстоятельства, имеющие

значение для дела (п. 1 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ)».

«Исходя из доводов жалобы и положений п. 2 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ (недоказанность установленных судом первой инстанции обстоятельств), в том числе по причине неправильного распределения обязанности доказывания (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ), суд в апелляционной инстанции принимает... в качестве дополнительного доказательства».

Анализ практики судов Владимирской области позволяет предложить дополнительные условия, при которых допускается представление новых доказательств.

На практике выявлены случаи, когда отсутствуют процессуальные нарушения с чьей-либо стороны, при этом доказательства существовали в момент рассмотрения дела в суде первой инстанции, но представляющее их лицо не знало и не могло знать об их существовании¹; либо лицо знало об этом, но по не зависящим от него обстоятельствам не могло представить их в суд².

Кроме того, дополнительным условием является представление стороной доказательств в обоснование возражений на апелляционную жалобу, если апеллянт ссылается на дополнительные доказательства. Данное основание принятия судом второй инстанции новых доказательств является логическим развитием действия принципа состязательности. Если суд второй инстанции находит основания для принятия новых доказательств, то противоположная сторона должна иметь равные возможности для защиты своей позиции в деле.

¹ Лесницкая Л. Ф. Апелляционное производство по гражданским делам в системе судов общей юрисдикции. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Жуйкова, В. К. Пучинского, М. К. Треушникова. М., 2003. С. 714–715.

В приведенных случаях рекомендуется исследование вопросов о добросовестности действий лиц, представляющих доказательства по предложенным выше критериям, а также процессуальной необходимости в принятии новых доказательств во избежание судебной ошибки.

Далее, в связи с введением так называемого письменного производства в суде второй инстанции, по правилам ч. 3 ст. 333 ГПК РФ, отдельного внимания заслуживают вопросы принятия новых доказательств в процессах, где участие сторон не предусмотрено.

Поводом для рассмотрения проблематики указанной нормы послужило ее содержание, позволяющее суду второй инстанции рассматривать частные жалобы на определения суда первой инстанции без извещения лиц, участвующих в деле.

Значение вопроса фактического извещения и участия лиц в суде второй инстанции трудно переоценить, поскольку данная стадия процесса способствует как правильному, своевременному разрешению споров, так и реализации гражданами права на судебную защиту, а в нашем контексте – на вопросы принятия (непринятия) новых доказательств.

Полагаем, что законодатель, учитывая дискретные полномочия судьи по разрешению данного процессуального вопроса, предполагает, что сторонам требуется обеспечить возможность посредством процессуальных механизмов (процедур) письменного производства без проведения слушания с участием сторон изложить свои доводы и возражения по рассматриваемому вопросу и направить суду письменные доказательства, если суду апелляционной инстанции будет необходимо исследовать и оценить

новые доказательства, которые не были представлены в суд первой инстанции по уважительной причине.

У суда усматривается обязанность обеспечить сторонам возможность изложить свои доводы и возражения по рассматриваемому вопросу и в разумный срок направить суду письменные доказательства. О всех новых доказательствах и доводах по ним стороны должны быть проинформированы.

В том случае, если суду апелляционной инстанции необходимо исследовать и оценить не только доказательства, положенные в основу определения суда первой инстанции, но и представленные стороной новые доказательства, которые не были представлены в суд первой инстанции по уважительной причине, суд должен назначить судебное заседание с проведением слушания и известить лиц, участвующих в деле, о времени и месте судебного заседания.

Полагаем, что имеющиеся разъяснения Верховного Суда Российской Федерации являются достаточными для правильного разрешения рассматриваемого вопроса на практике.

При апелляционном рассмотрении дела необходимо исходить из цели производства в суде второй инстанции – устранения судебных ошибок, в том числе и в доказывании. Именно этим и должны определяться условия, допускающие представление в суд апелляционной инстанции дополнительных доказательств.

Установление новых обстоятельств дела возможно в той мере, в какой это требуется для устранения судебной ошибки и судебной защиты прав, свобод и законных интересов участников спорных материальных правоотношений. Ограничение в представлении новых доказательств в суд второй

инстанции не должно противоречить общей цели доказывания по правильному установлению фактических обстоятельств дела.

При этом считаем, что представление новых доказательств в суд второй инстанции в гражданском процессе

должно быть не правилом, а исключением. Приведенные рекомендации применения вышеуказанных норм подтверждают отсутствие необходимости для введения новых редакций закона по данному вопросу.

Библиографический список

1. *Бабенко А. Н.* Оценка дополнительных доказательств в арбитражном суде апелляционной инстанции (на примере постановлений Третьего арбитражного апелляционного суда) / А. Н. Бабенко, А. В. Гармаш // Журн. рос. права. – 2013. – № 2. – С. 84–92.

2. *Добровольский В. И.* Актуальные вопросы арбитражного законодательства: о чем молчит Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации / В. И. Добровольский. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 312 с.

3. Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Жуйкова, В. К. Пучинского, М. К. Треушникова. – М. : Городец, 2003. – 1088 с.

References

1. *Babenko A. N., Garmash A. V.* Evaluation of Additional Evidence in the Arbitration Court of Appeal (for Example, Decisions of the Third Appellate Court). *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2013. No. 2. P. 84–92.

2. *Dobrovolskij V. I.* Actual Issues of Arbitration Legislation: What is Silent Arbitration Procedure Code of the Russian Federation. M., Volters Kluver, 2010. 312 p.

3. Scientific-practical Commentary to the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Ed. by V. M. Zhujkov, V. K. Puchinskij, M. K. Treushnikov. M., Gorodec, 2003. 1088 p.

Ю. В. Овчинникова

**ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ:
ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НОРМ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

Аннотация. В статье анализируется проблема включения международно-правовых стандартов в отношении права на неприкосновенность частной жизни в российскую национальную правовую систему.

Ключевые слова: имплементация, право на неприкосновенность частной жизни, международное право, национальное законодательство.

Yu. V. Ovchinnikova

The Right for Personal Privacy: the Problem of Implementation of International Standards in the Modern Russian Legislation

Abstract. In article the problem of inclusion of international legal standards concerning the right for personal privacy in the Russian national legal system is analyzed.

Key words: implementation, right for personal privacy, international law, national legislation.

Одной из основных характеристик современного общества является активизация международных интеграционных процессов, в том числе и в области права. Данное обстоятельство ставит государства перед объективной необходимостью выработки различных моделей международного правового сотрудничества, позволяющих внедрить международный опыт в национальные правовые системы¹.

В условиях построения постиндустриального общества наиболее активно процесс правовой конвергенции осуществляется в сфере обеспечения прав личности. Объективно существует тенденция, согласно которой с развитием общества человек получает все большую независимость, что влечет за собой расширение обязанностей

общества и государства по обеспечению этой независимости².

Право на неприкосновенность частной жизни конституционно закреплено в Российской Федерации в соответствии с международными правовыми стандартами. Данный факт обуславливает актуальность изучения процесса имплементации положений международных правовых норм, касающихся неприкосновенности частной жизни, в российском законодательстве.

Термин «имплементация» в юриспруденции рассматривается как фактическое осуществление международных обязательств внутри конкретного государства путем прямого включения международно-правовых норм в национальную правовую систему или

© Овчинникова Ю. В., 2015

¹ Третьякова О. Д., Баженова Е. А. Конвергенция в праве: юридическая экспансия : монография. Владимир, 2011. С. 11.

² Головкин Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны и защита : монография. Владимир, 2005. С. 86.

их трансформации в национальные законы и подзаконные акты¹.

По смыслу ст. 6 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» Россия принимает на себя обязательства по тем международным договорам, в отношении которых официально выражено согласие на их обязательность². Среди обязательных для Российской Федерации международных документов, закрепляющих и гарантирующих право на неприкосновенность частной жизни, есть как универсальные, так и локальные соглашения.

Впервые запрет на вмешательство в личную и семейную жизнь на международном уровне был сформулирован в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, принятой 10 декабря 1948 г.³ Этот документ носит рекомендательный характер, однако сегодня его положения можно считать общепризнанными нормами международного права. Основанный на нормах Всеобщей декларации прав человека Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый 16 декабря 1966 г., повторяет ее положение о том, что каждый человек имеет право на защиту закона от вмешательства в его личную и семейную жизнь⁴.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод, заключенная 4 ноября 1950 г. (далее Европейская кон-

венция), в ст. 8 провозглашает субъективное право человека на уважение его личной и семейной жизни⁵.

Среди международных правовых актов регионального уровня основным для России документом, устанавливающим право на уважение личной и семейной жизни, является Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека, заключенная 26 мая 1995 г.⁶

Помимо международных документов, закрепляющих право на неприкосновенность частной жизни в целом, имеют место международные договоры, гарантирующие отдельные стороны данного права либо конкретизирующие его для отдельной категории субъектов. Так, частным случаем закрепления права на неприкосновенность личной жизни в отношении детей являются нормы одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. Конвенции о правах ребенка⁷. Примером защиты права на тайну персональных данных как одного из проявлений частной жизни является Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, заключенная 28 января 1981 г.⁸

В науке международного права выделяют следующие способы имплементации международных норм во внутригосударственном законода-

¹ См., напр.: Большой юридический словарь. URL: <http://juridical.slovaronline.com/И/ИМ> (дата обращения: 09.11.2015); Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М., 2007; Кураков Л. П., Кураков В. Л., Кураков А. Л. Экономика и право: словарь-справочник. М., 2004.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 29, ст. 2757.

³ Рос. газ. 1995. 5 апр.

⁴ Ведомости Верхов. Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

⁶ Рос. газ. 1995. 23 июня.

⁷ Сб. междунар. договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI.

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 5, ст. 419.

тельстве: инкорпорация, трансформация и отсылка. Кроме того, в некоторых государствах нормы международных договоров становятся частью национального законодательства после выражения на то официального согласия. Российская Федерация относится к числу таких государств. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации непосредственно включены в правовую систему и по юридической силе имеют приоритет по отношению к внутригосударственному законодательству. Таким образом, все вышеперечисленные международные соглашения, закрепляющие право на неприкосновенность частной жизни, теоретически можно считать актами прямого действия на территории России.

Кроме того, согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации составной частью российской правовой системы являются также решения Европейского суда по правам человека в той части, в какой ими дается толкование содержания прав и свобод, а потому они должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права¹.

Однако на практике в силу объективных и субъективных причин возникает ряд проблем непосредственной реализации норм международного

права. В связи с этим требуется дальнейшая имплементационная деятельность государства прежде всего на конституционном уровне.

В Конституции Российской Федерации частной жизни посвящены ст. 23, 24 и 25, закрепляющие право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, неприкосновенность жилища, запрет на сбор и распространение информации о частной жизни.

Более ранним документом конституционного характера, действующим в Российской Федерации в порядке правопреемства, является Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая 22 ноября 1991 г. Верховным Советом РСФСР². Поскольку формулировка ст. 9 данного документа, касающейся закрепления права на неприкосновенность частной жизни, практически полностью дублирует аналогичные нормы Европейской конвенции, то ее положения можно считать примером имплементации норм международного права в форме инкорпорации.

Дальнейшее развитие международные нормы о защите частной жизни получили в российских кодифицированных законах. Так, в Гражданский кодекс Российской Федерации, наряду с ранее действовавшими положениями о защите нематериальных благ, в 2013 г. внесена отдельная норма об охране частной жизни гражданина (ст. 152.2)³. Уголовным кодексом Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность

¹ Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 5 февр. 2007 г. № 2-П // Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. 2007. № 1, 3 ; Постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 26 февр. 2010 г. № 4-П // Там же. 2010. № 3 ; Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 4 апр. 2013 г. № 505-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Ведомости Съезда нар. депутатов РСФСР и Верхов. Совета РСФСР. 1991. № 52, ст. 1865.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

за нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137), жилища (ст. 139), тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138), незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации (ст. 138.1)¹.

Защиту права на неприкосновенность частной жизни регламентируют также и отдельные текущие законы Российской Федерации, в частности: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», основная цель которого – обеспечение защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну при обработке персональных данных (ст. 2)²; Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации», устанавливающий определенный баланс между правом на свободу слова и правом на неприкосновенность частной жизни (ст. 49)³; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», закрепляющий неприкосновенность частной жизни в качестве принципа правового регулирования в сфере информации (ст. 3)⁴ и др.

Вопросы частной жизни находят отражение и в российской судебной практике, которая хоть и не является официальным источником права, однако имеет большое значение для деятельности правоприменителей⁵.

Несмотря на то, что международные нормы о защите права на неприкосновенность частной жизни достаточно разветвленно имплементированы в российском законодательстве, их практическая реализация встречает достаточно проблем. В связи с этим со стороны юридической общественности вносятся даже предложения о создании специального закона, который мог бы называться «О неприкосновенности частной жизни человека и гражданина в Российской Федерации»⁶. Со своей стороны считаем, что подобная систематизация имела бы положительный эффект, однако одного упорядочения нормативных правовых актов в этой сфере явно недостаточно. Международные стандарты в области защиты права на неприкосновенность частной жизни должны войти в структуру российской правовой культуры и правосознания, в первую очередь законодателей и правоприменителей, чтобы быть действительно реализованными на практике.

¹ Там же. 1996. № 25, ст. 2954.

² Рос. газ. 2006. 29 июля.

³ Там же. 1992. 8 февр.

⁴ Рос. газ. 2006. 29 июля.

⁵ См., напр.: Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 9 июня 2005 г. № 248-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Новиков В. А. Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны // Юрид. мир. 2014. № 7. С. 21.

Библиографический список

1. *Головкин Р. Б.* Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны и защита : монография / Р. Б. Головкин. – Владимир : ВГПУ, 2005. – 396 с.
2. *Новиков В. А.* Неприкосновенность частной жизни как конституционное право и объект уголовно-правовой охраны / В. А. Новиков // Юрид. мир. – 2014. – № 7. – С. 18–21.
3. *Третьякова О. Д.* Конвергенция в праве: юридическая экспансия : монография / О. Д. Третьякова, Е. А. Баженова. – Владимир : ВИТ-принт, 2011. – 232 с.

References

1. *Golovkin R. B.* Legal and Moral Regulation of Private Life: Properties, Parties and Protection. Vladimir, VGPU, 2005. 396 p.
2. *Novikov V. A.* Personal Privacy as Constitutional Right and Object of Criminal Legal Protection. *Yuridicheskij Mir*. 2014. No. 7. P. 18–21.
3. *Tret'yakova O. D., Bazhenova E. A.* Convergence in the Law: Legal Expansion. Vladimir, VIT-print, 2011. 232 p.

И. В. Пикин, С. Ю. Долгушева

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВ И СВОБОД ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена проблеме обращения с ВИЧ-инфицированными осужденными в местах лишения свободы, а также вопросам исполнения их прав, свобод и законных интересов.

Ключевые слова: правовой статус, правовая регламентация, правовое воздействие на личность, психосоматическое состояние осужденного.

I. V. Pikin, S. Yu. Dolgusheva

Problems of Legal Regulation of the Rights and Freedoms HIV-positive in Correctional Facilities

Abstract. The article is devoted to such an important issue as the treatment of HIV-positive inmates in prisons in enforcement of their rights, freedoms and legitimate interests.

Key words: legal status, legal regulation, legal impact a person, psychosomatic condition of the convicted person.

Сегодня государство уделяет большое внимание вопросам обеспечения охраны прав и интересов личности осужденных. Между тем права лиц, зараженных вирусом иммунодефицита, продолжают нарушаться, что не позволяет большинству из таких осужденных до конца побороть заболевание.

Правовое положение осужденных представляет собой разновидность специального правового статуса личности, включающего в себя индивидуальный правовой статус конкретного осужденного¹. Нужно отметить, что нормативное закрепление правового положения осужденных имеет важное практическое значение, на это указывает и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

Под правовым статусом осужденных следует понимать основанную на

общем статусе граждан государства и закрепленную в нормативных правовых актах различных отраслей права совокупность их обязанностей, прав, свобод и законных интересов, зависящих от назначенной судом меры уголовно-правового характера и от поведения виновного во время ее исполнения.

Правовое воздействие на личность, в зависимости от ее поведения, может выражаться в ограничении или расширении, предоставлении или ликвидации социально значимых для данной личности возможностей и обязанностей. В соответствии со ст. 29 Всеобщей декларации прав человека и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом «только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья,

© Пикин И. В., Долгушева С. Ю., 2015

¹ Миняева Т. Ф. Проблемы правового статуса осужденного : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 72–73.

прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Осужденные, несмотря на их положение, остаются гражданами своего государства, личностями, наделенными правами и обязанностями и имеющими возможности выражать свои законные интересы.

Распространение ВИЧ-инфекции в современных условиях приобрела характер мировой угрозы. Так, в России общее число инфицированных ВИЧ, зарегистрированных на 1 ноября 2015 г., составило 986 657 чел., умерло по разным причинам 205 538 ВИЧ-инфицированных¹. Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. была предусмотрена ответственность за заражение СПИ-Дом, а в 1996 г. ст. 122 Уголовного кодекса Российской Федерации ввела уголовное наказание за заражение ВИЧ-инфекцией².

Проблеме работы с ВИЧ-инфицированными осужденными в России стали уделять внимание лишь с 1995 г., после принятия постановления Правительства Российской Федерации от 28 февраля 1996 г. № 221 «Правила обязательного медицинского освидетельствования лиц, находящихся в местах лишения свободы, на выявление вируса иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»³ и приказа Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации и Министерства юстиции Российской Федерации от 17 октября 2005 г. № 640/190 «Порядок организации медицинской

помощи лицам, отбывающим наказание в местах лишения свободы и заключенным под стражу»⁴.

В последнее время обстановка в учреждениях, исполняющих наказания, обуславливается резким увеличением ВИЧ-инфицированных. Кроме того, следует учитывать тот факт, что большинство поступающих подозреваемых и обвиняемых в следственные изоляторы даже не подозревают о наличии в их организме ВИЧ-инфекции. Рассмотрев статистику ВИЧ-инфицированных, отбывающих наказание в локально-профилактическом участке исправительного учреждения, их можно подразделить на возрастные группы: 18–19 лет – 23 %, 20–24 года – 35 %, 25–29 лет – 30 %, 30–39 лет – 10 %, 40 лет и старше – 2 %⁵. Из этих данных можно сделать вывод о том, что ВИЧ-инфицированными являются осужденные молодежного и среднего возраста, так как такие лица более суггестивны и подвержены влиянию различных «вредных» привычек. Среди ВИЧ-инфицированных осужденных очень высокий процент наркоманов – 89 % и только 11 % получили заболевание половым путем.

У ВИЧ-инфицированных лиц, которые впервые поступили в места лишения свободы, резко и кардинально меняется система ценностей и поведение. В первую очередь изменяется их психосоматическое состояние, что вызывает внутренний конфликт, депрессию и как следствие эмоциональную агрессию⁶. Характерной чертой

¹ ВИЧ-инфекция в Российской Федерации на 1 ноября 2015 г. : справка. URL: <http://aids-centr.perm.ru/> (дата обращения: 15.11.2015).

² URL: www.library.ru/help/docs/n54500/vener.doc (дата обращения: 02.09.2015).

³ Рос. газ. 1996. 28 марта.

⁴ Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2005. № 46.

⁵ Зайцева И. В. Правовые и организационные основы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении ВИЧ-инфицированных осужденных : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.

⁶ Там же. С. 11–12.

большинства таких осужденных является преувеличение своего заболевания, для того чтобы привлечь внимание администрации исправительного учреждения и медицинского персонала к себе. Их цель – послабление режима содержания и получение льгот. В соответствии со ст. 41 Конституции Российской Федерации каждый гражданин имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь, в исправительных учреждениях ее соблюдение затруднено. Всех осужденных в Российской Федерации принудительно тестируют на ВИЧ, но лечение получают лишь единицы¹. Само тестирование выполняется однократно, хотя многие осужденные подвергаются заражению вирусом иммунодефицита именно в местах лишения свободы.

Существует немало вопросов о том, как же содержатся указанные лица: должно ли быть сокращено время их рабочего дня? Должны ли они находиться вместе со здоровыми осужденными или в «среде себе подобных»?

Отвечая на первый вопрос, нужно отметить, что ВИЧ-инфицированных осужденных нужно привлекать к труду путем организации производства таким образом, чтобы выполнение работы не требовало высокой интенсивности труда, больших физических нагрузок, технологической сложности. Однако отсутствие надлежащей правовой регламентации, которая бы это предусматривала, в конечном итоге препятствует созданию гуманных условий труда. В связи с этим администрация большинства учреждений, исполняющих наказания, полагает, что такие осужденные относятся к группе здоровых людей и способны

трудиться в течение восьмичасового рабочего дня.

Второй вопрос вызывает затруднение не только у самих ВИЧ-инфицированных, которым назначено наказание и место его отбывания, но и у законодателя. В России соблюдается принцип отдельного содержания ВИЧ-инфицированных осужденных. Эта мера, вопреки Рекомендациям Комитета Министров Совета Европы (ассимиляция ВИЧ-инфицированных среди здоровых осужденных) – требование времени. Недостаток финансирования пенитенциарной системы, ее медицинской службы и соответствующие условия содержания осужденных, низкая санитарная грамотность населения вынуждают содержать ВИЧ-инфицированных в изолированных участках колоний или отдельных камерах следственных изоляторов². Однако изолированное содержание не гарантирует, что в других подразделениях уголовно-исполнительной системы нет инфицированных осужденных, поскольку многие из них, как отмечалось выше, даже не знают о своем заболевании. В связи с этим очень тяжело изолировать всех инфицированных осужденных. В связи с этим для предупреждения распространения ВИЧ-инфекции и СПИДа в учреждениях уголовно-исполнительной системы необходимо провести комплексно-профилактическую работу.

Кроме того, психологи и социологи считают, что содержание ВИЧ-инфицированных отдельно от здоровых осужденных нецелесообразно, так как у осужденных с таким заболеванием появляется преувеличенное отношение к своему заболеванию, они

¹ Бакулина Т. Н. Защищаем право ВИЧ-инфицированных на лечение // СПИД. Секс. Здоровье. 2010. № 1. С. 9–12.

² URL: www.infospid.ru (дата обращения: 24.10.2015).

чувствуют себя изгоями в обществе. При совместном содержании со здоровым спецконтингентом на общих основаниях ВИЧ-инфицированные осужденные легче будут переносить посттравматический стресс, появятся реальная надежда на будущее и оптимизм¹. ВИЧ-инфицированные осужденные будут вынуждены соблюдать требования установленного порядка отбывания наказания, лишь бы не выделяться из общей массы.

В заключение необходимо отметить, что проблемы обращения с ВИЧ-инфицированными осужденными в местах лишения свободы, кроются в

отсутствии четкого представления законодателя в урегулировании и совмещении медицинских мер по лечению преступников с мерами исправительного воздействия. Целесообразно разработать для сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы методические рекомендации по консультированию осужденных, зараженных вирусом иммунодефицита человека, а также программы ресоциализации и реабилитации осужденных, которые позволят им чувствовать себя более свободными от такого комплекса, как «изгой» и научат жить полной жизнью.

Библиографический список

1. Бакулина Т. Н. Защищаем право ВИЧ-инфицированных на лечение / Т. Н. Бакулина // СПИД. Секс. Здоровье. – 2010. – № 1. – С. 9–12.

2. Зайцева И. В. Правовые и организационные основы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении ВИЧ-инфицированных осужденных : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Зайцева Ирина Владимировна. – М., 2002. – 188 с.

3. Миняева Т. Ф. Проблемы правового статуса осужденного : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Миняева Татьяна Фёдоровна. – М., 2001. – 389 с.

References

1. Bakulina T.N. Protect the Rights of HIV-positive People on Treatment. *SPID. Seks. Zdorov'e*. 2010. No. 1. P. 9–12.

2. Zajceva I. V. Legal and Organizational Bases of the Penalty of Imprisonment in Relation to HIV-infected Prisoners. M., 2002. 188 p.

3. Minyazeva T. F. The Legal Status of the Convict. M., 2001. 389 p.

¹ Зайцева И. В. Указ. соч. С. 14–15.

И. В. Пикин, А. Л. Колягин

ИНСТИТУТ ПОЖИЗНЕННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ И ПРОБЛЕМА ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы функционирования и развития института пожизненного лишения свободы как вида уголовного наказания за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Ключевые слова: наказание, пожизненное лишение свободы, уголовный закон.

I. V. Pikin, A. L. Kolyagin

Institute of Life Imprisonment as a Form of Criminal Punishment and the Problem of Its Application in Modern Russia

Abstract. In this paper we studied the functioning and development of the institution of life imprisonment as a form of criminal punishment for committing grave and especially grave crimes.

Key words: punishment, life imprisonment, criminal statute.

Российскому законодательству, в отличие от законодательства ряда зарубежных стран, практика пожизненного лишения свободы стала известна совсем недавно. Первые упоминания о нем встречаются еще в Судебнике 1550 г.

В современной российской истории пожизненное лишение свободы как вид уголовного наказания впервые был упомянут в 1960 г. в Уголовном кодексе РСФСР. Однако тогда данное положение было не применимо в судебной практике, так как точной формулировки понятия пожизненного лишения свободы и порядка его реализации не существовало. Попытка рассмотрения и доработки этого вида наказания была предпринята в 1992 г. в Законе Российской Федерации от 17 декабря 1992 г. № 4123-1 «О внесении

изменений в статью 24 Уголовного кодекса РСФСР», в ст. 1 которого говорилось: «Внести в статью 24 Уголовного кодекса РСФСР следующее изменение: в части первой слова “и на срок более пятнадцати лет, но не свыше двадцати лет” заменить словом “пожизненно”»¹. Формулировка текста статьи данного закона предполагала пожизненное лишение свободы как замену смертной казни в качестве помилования, за причинение значительного ущерба личности, обществу или государству.

В соответствии с введением в действие 1 января 1997 г. Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) применение на практике института пожизненного лишения свободы осуществляли только в качестве альтернативы смертной казни за совершение

особо тяжких преступлений, в некоторых случаях допускалось возможным на усмотрение суда заменить смертную казнь. С увеличением количества преступлений, которые посягают на половую неприкосновенность, в России принимается решение ужесточить за них наказания, в связи с чем предлагается ст. 57 УК РФ дополнить словами «половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста»¹.

В последнее время институт пожизненного лишения свободы стал активно применяться на территории Российской Федерации. Согласно современному уголовному законодательству пожизненное лишение представляет собой вид уголовного наказания, заключающийся в лишении свободы на срок от момента вступления приговора суда в законную силу и до биологической смерти заключенного. В ст. 57 УК РФ указывается, что «пожизненное лишение свободы устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста».

Спецификой данного наказания является особая суровость, поэтому в ряде стран применение пожизненного лишения свободы было ограничено в отношении определенной категории лиц, прежде всего это касается несовершеннолетних и женщин. В ст. 37 Конвенции

ООН о правах ребенка установлено, чтобы «ни один ребенок не был подвергнут пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения или наказания. Ни смертная казнь, ни пожизненное тюремное заключение, не предусматривающее возможности освобождения, не назначаются за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет»².

Сегодня проблема существования института пожизненного лишения свободы является достаточно дискуссионной. Многие научные деятели, писатели, знаменитые люди считают, что данная мера наказания является негуманной и не соответствует общим принципам Конституции Российской Федерации. Так, согласно ст. 5 Всеобщей декларации прав человека «никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию»³. Пожизненное же лишение свободы – это непосредственное мучение, которое переносит осужденный до конца жизни. Выдающийся отечественный ученый-юрист профессор Игорь Иванович Карпец отмечал, что применение пожизненного наказания вызывает достаточно много острых и спорных вопросов. Он обосновано полагал, что пожизненное лишение свободы влечет фактически пожизненное мучение осужденного, узаконивать которое государство не вправе, ибо это безнравственно. «Можно даже усомниться, – писал ученый, – что гуманнее – расстрелять человека, совершившего тяжкое преступление, сразу после

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : федер. закон от 29 февр. 2012 г. № 14-ФЗ. Ст. 1, п. 1 // Рос. газ. 2012. 2 марта.

² Сб. междунар. договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI.

³ Рос. газ. 1995. 5 апр.

суда или обречь его на медленную и мучительную смерть»¹.

С проблемой существования института пожизненного лишения свободы возникает проблема содержания мест лишения свободы, где отбывают наказание осужденные к пожизненному лишению свободы. Согласно статистическим данным по состоянию на 1 сентября 2015 г. в системе ФСИН России функционирует 6 исправительных колоний для осужденных к пожизненному лишению свободы, где содержится 1 923 осужденных². Следовательно, осужденных необходимо содержать на средства из государственного бюджета, снабжать обмундированием, продовольствием, поддерживать режим содержания осужденных с пожизненным лишением свободы. Как известно, государственный бюджет формируется из налоговых средств, которые выплачивают добросовестные граждане Российской Федерации. Если допустить факт отмены пожизненного наказания, то станет возможным направить эти средства в наиболее продуктивную сферу общества.

Другой проблемой существования института пожизненного лишения свободы является отсутствие факта исправления осужденного. В ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации законодателем отмечено, что исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». Однако человек, которому был вынесен приговор о пожизненном лишении свободы, не имеет никакого желания, цели,

мотива к исправлению. У него пропадает смысл дальнейшего существования, т. е. получается, что осужденный фактически обречен. Между тем основной задачей уголовно-исполнительной системы являются исправление осужденных и их ресоциализация в обществе. Осужденные же, приговоренные к пожизненному лишению свободы, проведут остаток своей жизни в исправительном учреждении и не вернуться в общество. Следовательно, институт пожизненного лишения свободы не эффективен в современном, демократическом, правовом государстве и лишь тормозит развитие уголовно-исполнительной политики. Исследовав институт пожизненного лишения свободы, можно сделать вывод, что существует необходимость отмены данного института, так как он не соответствует международным стандартам, на его содержание выделяются огромные финансовые средства, происходит нарушение конституционных прав человека и гражданина, а также отсутствует главная цель – исправление осужденных с последующим возвращением их в общество. Полагаем целесообразным пересмотреть режим содержания осужденных к пожизненному лишению свободы и внести в законодательство изменения, касающиеся создания трудовой и образовательной базы для данной категории лиц, что позволит использовать их труд с целью повышения экономической и духовной сферы общества. Возможность заниматься трудом, не только физическим, но и интеллектуальным, позволит оказывать положительное воздействие на осужденных и достичь главной цели наказания – исправления.

¹ Карпец И. И. Высшая мера: за и против // Совет. государство и право. 1991. № 7. С. 50.

² URL: <http://pda.xn--h1akkl.xn--p1ai/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%-20UIS/> (дата обращения: 22.09.2015).

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека : [принята Генер. Ассамблеей ООН 10 дек. 1948 г.] // Рос. газ. – 1995. – 5 апр.
2. Конвенция ООН о правах ребенка : [одобрена Генер. Ассамблеей ООН 20 нояб. 1989 г.] // Сб. междунар. договоров СССР. – М. : Междунар. отношения, 1993. – Вып. XLVI.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г. : одобрен Советом Федерации 25 дек. 1996 г.] // Рос. газ. – 1997. – 16 янв.

References

1. Universal Declaration of Human Rights. *Rossiyskaya Gazeta*. 1995. Apr. 5.
2. The International Convention on the Rights of the Child. *Compilation of International Instruments of the USSR*. M., Mezhdunarodny'e Otnosheniya, 1993. Iss. XLVI.
3. Criminal Executive Code. *Rossiyskaya Gazeta*. 1997. Jan. 16.

М. В. Сорокин, О. Е. Сорокина

АНАЛИЗ ОПЫТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЮРЬМАХ США

Аннотация. В статье на основе практического опыта работы пенитенциарных учреждений Федерального бюро тюрем Соединенных Штатов Америки, а также норм ведомственных инструкций Министерства юстиции США проведен анализ средств и методов обеспечения внутренней безопасности при исполнении уголовных наказаний.

Ключевые слова: пенитенциарное учреждение, политика безопасности, частная жизнь, процедура посещения, запрещенные предметы, процедура идентификации.

M. V. Sorokin, O. E. Sorokina

Analysis of Experience in Ensuring the Security of the Penitentiary in USA Federal Prisons

Abstract. On the basis of practical experience of penitentiary institutions of the Federal Bureau of Prisons United States of America, as well as the norms of departmental instructions of the Ministry of Justice has analyzed the means and methods of internal security in the execution of criminal penalties.

Key words: prison, security policy, private life, procedure visit, prohibited items, identification procedure.

В американских пенитенциарных учреждениях высокого уровня безопасности содержатся заключенные, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления. В связи с этим к обеспечению режима отбывания наказания в данных видах тюрем предъявляются самые строгие требования с целью обеспечения безопасности и правопорядка, а также недопущения совершения преступлений и иных правонарушений. В каждой тюрьме разрабатываются свои правила поведения и устанавливаются ограничения, с которыми знакомится каждый вновь прибывший заключенный (так называемое руководство для заключенных). Указанные правила в распечатанном виде (на двух языках – английском и испанском) выдаются осужденным по прибытии в пенитенциарное учреждение.

Нами был изучен опыт тюрьмы «Allenwood» с высоким уровнем безопасности, расположенной в штате Пенсильвания. Заключенные по прибытии в тюрьму проходят обязательное медицинское обследование и беседу с сотрудниками психологической службы. Им предоставляется копия правил и норм учреждения, которые содержат информацию об их правах и обязанностях.

В первую неделю содержания в тюрьме каждый вновь прибывший проходит через программу (A&O), целью которой является оценка степени риска, они узнают о программах коррекции, политике, процедурах, установленных на объекте. Сотрудники пенитенциарного учреждения в ходе лекций доводят до заключенных информацию о программах, действующих в данном пенитенциарном учреждении.

В целях предупреждения поступления в тюрьму запрещенных к хранению и использованию вещей, веществ, предметов (так называемой контрабанды), а также борьбы с поборами заключенных в каждой федеральной тюрьме установлены требования по хранению и приобретению предметов первой необходимости.

Во-первых, контрабандой является любой предмет, которым владеет заключенный и полученный им/ей в обход администрации, т. е. все предметы должны быть выданы представителям учреждения, получены через установленные (официальные) каналы или приобретены через бюро комиссара. Каждый заключенный несет ответственность за предметы, находящиеся в его жилом помещении (камере). Лица, содержащиеся в тюрьме, не обладают правом приобретения или получения в подарок каких-либо предметов, принадлежащих другому заключенному.

Федеральное бюро тюрем США реализует программу наблюдения за наркотиками, которая включает в себя обязательное ежедневное выборочное тестирование заключенных. В случае отказа лица, содержащегося в тюрьме от предоставления образца мочи для реализации указанной программы, он привлекается к дисциплинарной ответственности. Программа работает по принципу «случайные образцы», т. е. любому из заключенных может быть предложено пройти тестирование. Кроме того, по этому же принципу отбираются образцы в случае наличия подозрения на употребление алкоголя.

Другим аспектом обеспечения внутренней безопасности в тюрьме является поддержание общественно полезных связей с лицами, находящимися на свободе. Исследования, проведенные на базе пенитенциарных

учреждений США, выявили положительный эффект от поддержания общения с друзьями и семьей в период заключения. В связи с этим Федеральное бюро тюрем США является разработчиком основных требований, которые предъявляются к общению заключенных с внешним миром, в первую очередь связанных с интересами обеспечения безопасности.

Процедура посещения пенитенциарного учреждения состоит из четырех этапов.

Первый этап «Найти заключенного» заключается в необходимости определения места нахождения лица (т. е. места отбывания наказания). В связи с тем, что в тюрьмах действуют различные программы исправления, а также медицинские программы, любой заключенный может быть переведен из одной тюрьмы в другую в связи с необходимостью прохождения коррекционной программы или с целью прохождения курса медицинского лечения. Кроме того, заключенные могут быть переведены по соображениям безопасности. С целью установления места отбывания наказания в режиме реального времени на сайте Федерального бюро тюрем США (Federal Bureau of Prisons) размещена форма, позволяющая по регистрационному номеру заключенного определить место дислокации пенитенциарного учреждения, где содержится на данный момент лицо, отбывающее уголовное наказание.

Второй этап «Получить предварительное одобрение» включает несколько аспектов.

Во-первых, потенциальный посетитель тюрьмы должен быть включен в список лиц, который формируется самим заключенным. По прибытии в пенитенциарное учреждение каждому

заклученному выдается форма «Информация для посетителей».

Во-вторых, заключенный заполняет раздел личной информации.

В-третьих, частично заполненная форма отсылается потенциальному посетителю, который должен заполнить личной информацией оставшиеся поля формы, с целью установления возможного отрицательного влияния с его стороны на лицо, содержащееся в тюрьме.

В-четвертых, потенциальный посетитель отправляет заполненную форму обратно в адрес заключенного (администрации пенитенциарного учреждения).

В-пятых, администрация тюрьмы обладает правом запросить дополнительную справочную информацию о потенциальном посетителе (обратиться в другие правоохранительные органы или Национальный информационный центр преступности).

В-шестых, заключенный должен передать заполненную форму администрации с целью проверки указанной в ней информации. Заключенный предупреждается администрацией пенитенциарного учреждения о его личной ответственности перед потенциальным посетителем в случае отсутствия его в утвержденном списке лиц¹.

Важнейшим аспектом является категория лиц, которая может быть включена в список потенциальных посетителей и соответственно получить разрешение на визит в учреждение пенитенциарной системы Америки:

– группа «семья»: мать, отец, приемные родители, братья, сестры, супруг(а) (супруги считаются ближайшими родственниками, если состоят в

официально зарегистрированном браке или при признании гражданского брака), дети (ребенок в возрасте старше 16 лет может стать визитером, только если родитель или опекун утвердил и включил его в список на посещение);

– группа «родственники»: дедушки и бабушки, законные (родные) дяди и тети, кузины;

– группа «другие типы утвержденных посетителей»²: партнеры, «официальные иностранные лица» (гражданин, рожденный в другой стране, но получивший гражданство США, лишен права встречи с чиновниками из посольства или консульства своей родной страны), члены религиозных групп, включая священнослужителей, члены общественных групп, работодатели (бывший или потенциальный), спонсоры, консультанты, адвокаты.

Необходимо отметить, что при определенных обстоятельствах (когда заключенный впервые попадает в тюрьму или переведен в другое пенитенциарное учреждение), т. е. в том случае, если список приглашенных визитеров не сформирован, заключенного могут посетить лица, указанные в группе «семья», но с условием наличия и возможности проверки информации, содержащейся в личном деле. В случае отсутствия информации или недостаточного количества данных на предполагаемого визитера в посещении может быть отказано.

Третий этап «Подготовительный» заключается в ознакомлении с нормами, правилами и процедурами, которые необходимо соблюдать при посещении тюрьмы.

¹ General Visiting Information. URL: <https://www.bop.gov/inmates/visiting.jsp> (дата обращения: 03.11.2015).

² Группа «другие типы утвержденных посетителей» может состоять максимум из десяти человек (URL: <https://www.bop.gov/inmates/visiting.jsp> (дата обращения: 07.12.2015)).

Во-первых, от визитеров требуется соблюдение дресс-кода: одежда при посещении должна быть уместной для культурного общества (например, если на визитере будет одета провокационная или откровенная одежда, то это может являться мотивом для отказа в посещении).

Во-вторых, нормативно закреплён перечень предметов одежды, ношение которых не допускается при посещении: шорты; сарафаны; маленькие топы; купальники; прозрачная одежда любого типа; платья и блузки с вырезом; мини-юбки; шляпы или кепки; одежда без рукавов; юбка с длиной выше колена на два дюйма или больше, с разрезом; платья с глубоким вырезом на спине, спереди или сбоку; одежда, которая выглядит как одежда заключённых или персонала (цвета «хаки» или зелёного, военного типа одежда).

В-третьих, законодательно закреплены продолжительность свиданий и их кратность. Заключённым, по закону, может быть предоставлено свидание продолжительностью до четырёх часов один раз в месяц. Однако также закреплено право сотрудника подразделения охраны ограничить продолжительность свидания, а также количество лиц, которые могут встретиться с заключённым, чтобы избежать переполняемости комнат для проведения свиданий.

Требования к поведению при проведении свидания следующие: при встрече с заключённым визитер должен вести себя тихо, соблюдать аккуратность, достоинство. Офицер, ответственный за проведение встреч, обладает правом потребовать от визитера выйти из помещения для свиданий, т. е.

досрочно его прекратить, в том случае, если поведение посетителя или заключённого не соответствует предъявляемым требованиям. Физические контакты между визитером и заключённым допускаются в виде рукопожатий, объятий или поцелуев только в начале и в конце визита (общения). Персонал пенитенциарного учреждения обладает правом ограничить контакты (физические) по соображениям безопасности и с целью пресечения попыток передачи контрабанды.

Четвёртый этап «Планирование поездки» включает в себя необходимость уточнения времени визита и дней для посещения, что связано с невозможностью в ряде случаев предоставить свидание в связи с большим наплывом посетителей (это касается выходных и праздничных дней). Сам заключённый должен сообщить визитеру график посещения пенитенциарного учреждения.

С целью получения оперативно значимой информации о личности, изъявившей желание посетить пенитенциарное учреждение, Министерство юстиции США утвердило разработанную Федеральным бюро тюрем форму анкеты (BP-A0629), обязательную для предварительного заполнения и предоставления администрации тюрьмы¹.

В форме содержится следующая информация:

1. Фамилия, имя, дата рождения, адрес места жительства, почтовый индекс, номер телефона (с кодом города проживания), раса, пол, является ли человек гражданином США, номер социального обеспечения или регистрации для гражданина иностранного государства, номер паспорта.

¹ Уголовное наказание за дачу ложных показаний наказывается в виде штрафа в размере не более \$ 250,000 или лишением свободы на срок не более чем пять лет. URL: https://www.bop.gov/policy/forms/BP_A0629.pdf (дата обращения: 03.11.2015).

2. В каких родственных или иных связях состоит гражданин с заключенным, есть ли желание посетить пениitenciарное учреждение, был ли гражданин знаком с заключенным до осуждения (необходимо указать где, когда и при каких обстоятельствах произошло знакомство).

3. Предполагаемый визитер должен указать, был ли он ранее осужден (если ответ «да», то необходимо указать номер уголовного дела, дату, место и характер осуждения). Следует указать информацию об имеющемся испытательном сроке, условно-досрочном освобождении или о любом другом типе надзора, если таковой осуществляется по решению суда. Кроме того, требуется указать название организации probation, имя офицера, осуществляющего контроль за условно-досрочным освобождением, а также адрес и номер телефона, по которому возможно связаться с указанным сотрудником.

4. Указанная в анкете информация заверяется подписью лица, ее заполнившего. Тем самым гражданин дает свое согласие на обработку своих персональных данных и на проведение проверки указанной информации по базе данных¹.

Полученная таким образом информация используется для определения «приемлемости» гражданина в качестве посетителя пениitenciарного учреждения, а также дает возможность спрогнозировать эффект, который наступит после встречи визитера с заключенным.

Независимо от уровня безопасности пениitenciарного учреждения заключенный должен знать предполагаемого посетителя до лишения свободы.

Исключения из этого правила могут быть только в случае отсутствия в списке других категорий визитеров, а также если предполагаемый посетитель является «надежным» и не представляет угрозы для безопасности и должного порядка, установленного в тюрьме.

Для каждого посетителя требуется процедура идентификации изображения (личности). Документом, удостоверяющим личность, прибывшую на свидание, являются:

- государственная лицензия водителя;
- State ID-карта;
- или две другие формы идентификации (кредитная карта, социальная карта безопасности и т. д.) с прикрепленными к ним полными именами и подписями.

Свидетельства о рождении не считаются документами идентификации личности. Лица, не имеющие надлежащих идентификационных документов, не допускаются на территорию пениitenciарного учреждения.

Нормативно закрепляется перечень предметов, которые разрешается иметь при себе в помещении для проведения свиданий. Разрешенными к проносу на территорию тюрьмы предметами являются:

- прозрачный пластиковый кошелек;
- лекарственные препараты, только для лиц, страдающих заболеваниями, требующими периодического приема медикаментов (сердечно-сосудистые заболевания, астма и т. д.). При этом медикаменты хранятся у офицера, контролирующего проведение свиданий;
- водительское удостоверение;

¹ Visitor information form. URL: https://www.bop.gov/policy/forms/BP_A0629.pdf (дата обращения: 10.12.2015).

– женские гигиенические принадлежности (санитарные салфетки или тампоны – 2 шт.);

– наличные денежные средства в сумме \$ 25.00 для покупки напитков или снеков в автоматах;

– предметы, необходимые для пребывания младенца в комнате для свиданий (подгузники – 3 шт.; пластмассовые детские бутылочки – 2 шт.; опломбированный контейнер с детским питанием – 1 шт.; питьевая чашка – 1 шт.; пластиковая ложка – 1 шт.; прозрачная пластиковая сумка для этих предметов).

Перед заходом в помещение для проведения свиданий визитеры в обязательном порядке проходят фотографирование с целью идентификации личности и заносятся в программу посетителей («BOPWARE»).

Досмотр посетителей производится с использованием технических средств обнаружения, в частности, все должны пройти через рамку металлоискателя. В случае наличия в организме человека медицинских имплантатов, в состав которых входит металл, визитер должен предоставить персоналу учреждения медицинскую документацию, подтверждающую данный факт. В случае отсутствия подтверждающего документа данный человек не допускается на территорию пенитенциарного учреждения.

Существует четыре способа общения заключенных с друзьями и семьей: телефон, электронная почта, письма, пакеты (бандероли).

При реализации каждого из них нормативно закреплён не только порядок, но и контроль с целью обеспечения безопасности. Все телефонные

звонки контролируются (прослушиваются), не допускается использование телефонов в преступных целях. «Неконтролируемые» звонки разрешены только при определенных администрации пенитенциарного учреждения обстоятельствах и только с адвокатом заключенного.

Электронное общение заключенных федеральных тюрем осуществляют через специально разработанную для этих целей систему «TRULINCS». Указанная программа позволяет осуществлять обмен сообщениями между заключенными и обществом (гражданами). Но при реализации данного права на общение действуют определенные ограничения. Перед предоставлением права общения через систему «TRULINCS» заключенные и его контакты должны дать согласие на мониторинг передаваемых сообщений. Содержание всех сообщений проверяется с целью обнаружения информации, представляющей угрозу обеспечения безопасности пенитенциарного учреждения, содержащей сведения об объекте и представляющих угрозу общественной безопасности.

Заключенный несет персональную ответственность за содержание своих писем. Переписка, содержащая угрозы, вымогательство, подстрекательство к совершению преступлений и т. д., может привести к преследованию со стороны представителей власти за нарушение федеральных законов или к дисциплинарному взысканию¹.

Заключенным разрешается подписаться или получить публикации без предварительного одобрения, если печатные издания не несут информацию, наносящую вред безопасности,

¹ Incoming Publications. URL: https://www.bop.gov/policy/progstat/5266_011.pdf (дата обращения: 20.11.2015).

дисциплине, или не содействуют преступной деятельности. В камере заключенному разрешается хранить не более пяти экземпляров печатной продукции (в целях обеспечения пожарной безопасности).

Не выдаются заключенному публикации, которые соответствуют одному из следующих критериев:

1. Изображают или описывают процесс изготовления или использования оружия, боеприпасов, бомб или зажигательных устройств.

2. Изображают, поощряют или описывают методы совершения побегов из исправительных учреждений, содержат чертежи, рисунки или подробные описания пенитенциарных учреждений.

3. Изображают или описывают процесс пивоварения, изготовления спиртных напитков или наркотических средств.

4. Изображают, описывают или поощряют деятельность, которая может привести к использованию физического насилия.

5. Призывают к совершению преступной деятельности.

6. Содержат откровенные материалы сексуального характера, которые по своей природе или содержанию представляет угрозу для безопасно-

сти, препятствуют соблюдению порядка или дисциплины в пенитенциарном учреждении¹.

Проведенный анализ системы мер, направленных на обеспечения безопасности в пенитенциарных учреждениях Федерального бюро тюрем США, свидетельствует:

– во-первых, о закреплении всех процедур обеспечения внутренней безопасности в нормативных актах, издаваемых как администрацией непосредственно самого пенитенциарного учреждения, так и Министерством юстиции США;

– во-вторых, все документы, касающиеся заключенных и лиц, посещающих или поддерживающих связь с гражданами, отбывающими уголовное наказание, имеются в открытом доступе и размещены на официальных сайтах тюрьмы и Федерального бюро тюрем США;

– в-третьих, администрация тюрьмы наделена полномочиями разрабатывать и дополнять, с учетом специфики содержащегося контингента заключенных, существующие нормативные акты, инструкции и процедуры, а также вводить дополнительные ограничения, направленные на борьбу с контрабандой и поддержанием правопорядка.

Библиографический список

1. Correspondence. – Режим доступа: www.bop.gov/policy/progstat/5265_014.pdf.
2. General Visiting Information. – Режим доступа: www.bop.gov/inmates/visiting.jsp.
3. Incoming Publication. – Режим доступа: www.bop.gov/policy/progstat/5266_011.pdf.
4. Visitor information form. – Режим доступа: www.bop.gov/policy/forms/BP_A0629.pdf.

References

1. Correspondence. URL: www.bop.gov/policy/progstat/5265_014.pdf.
2. General Visiting Information. URL: www.bop.gov/inmates/visiting.jsp.
3. Incoming Publication. URL: www.bop.gov/policy/progstat/5266_011.pdf.
4. Visitor information form. URL: www.bop.gov/policy/forms/BP_A0629.pdf.

¹ Correspondence. URL: https://www.bop.gov/policy/progstat/5265_014.pdf (дата обращения: 12.10.2015).

Е. А. Баженова

**ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ И СТУДЕНТАМИ
ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ВЛГУ РЕАЛИЗОВАН ПРОЕКТ
«К НОВОМУ ПОКОЛЕНИЮ СТУДЕНЧЕСТВА –
ЧЕРЕЗ ПРОСВЕЩЕНИЕ (К 800-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ
ВЕЛИКОЙ ХАРТИИ ВОЛЬНОСТЕЙ)»**

E. A. Bazhenova

**Lecturers and Students of the Law Institute of Vladimir State University
Implemented the Project «Towards a New Generation of Students – Through
Education (by the 800th Anniversary of the Adoption of the Magna Carta)**

Осенью 2015 г. преподаватели и студенты Юридического института им. М. М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых работали по проекту «К новому поколению студенчества – через просвещение (к 800-летию принятия Великой хартии вольностей)». Проект реализовывался совместно с Владимирским региональным отделением Молодежного союза юристов России при поддержке Комитета по вопросам молодежной политики администрации Владимирской области.

Студенты 1-го курса подготовили презентацию об истории принятия, о содержании и современном значении Великой хартии вольностей и провели 10 занятий о знаменитом документе для студентов своего института, Владимирского филиала РАНХиГС и ВЮИ ФСИН России. В ходе занятий первокурсники не только рассказывали об этом документе, но и проводили социологическое исследование, чтобы выявить, насколько студенты осведомлены о своих правах и готовы

их защищать. Активное участие в подготовке и проведении занятий приняли студенты группы Юк-315 Дмитрий Бухарин, Фёдор Михеев, Илья Лапшин, Ирина Барышникова, Мила Жаббарова, Валентина Ефремова, Ларура Бабакехян и Дарья Панина.

Центральным событием проекта стала Всероссийская студенческая конференция «Права человека в непрерывном взаимодействии истории и современности: от Великой хартии вольностей до Всеобщей декларации прав человека». Конференция открылась 24 ноября лекцией профессора Владимирского филиала РАНХиГС, доктора политических наук Романа Владимировича Евстифеева «Magna Carta на “дорожной карте” человечества». Роман Владимирович нарисовал широкую панораму процессов государственного строительства в Европе XII–XIII вв., показав специфику «проекта Иоанна Безземельного» в сравнении с начинаниями таких крупнейших политических деятелей эпохи, как Андрей Боголюбский и Фридрих Барбаросса. Лектор также

отметил те вызовы, с которыми сегодня сталкивается политическая модель, рожденная подписанием Великой хартии вольностей и действующая в европейских государствах, включая Россию, по сей день. Аудитория благодарил Романа Евстифеева громкими аплодисментами.

Конференция продолжила работу заседанием двух секций: «Великая хартия вольностей в европейской и мировой истории» и «Истоки традиции прав человека, парламентаризма и верховенства права в Великой хартии вольностей». Обсуждение вызвало большой интерес со стороны студентов и привлекло более пятидесяти участников из Юридического, Гуманитарного институтов, Института экономики и менеджмента ВлГУ, Владимирского филиала РАНХиГС, ВЮИ ФСИН России, Филиала Московского института государственного управления и права в Рязанской области и даже Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Среди участников секции «Великая хартия вольностей в европейской и мировой истории» первое место занял студент 1-го курса Юридического института ВлГУ Виталий Паранчев с докладом «Призвание князя в правовой традиции Великого Новгорода в XII–XIV веках»; второе место – студентка 1-го курса Гуманитарного института ВлГУ Кристина Аманн с докладом «Великая хартия вольностей и дискуссия об ограничении королевской власти в Англии XVII века»; третье место – студент 1-го курса Юридического института ВлГУ Александр Лисицын, посвятивший свое выступление нюрнбергским расовым законам. Дипломами отмечены Любовь Клюквина (Гуманитарный институт

ВлГУ) – за яркий исторический портрет, Анастасия Акельева (Юридический институт ВлГУ), Марина Шебашова (Владимирский филиал РАНХиГС) и Юлия Гаева (Уральский федеральный университет) – за глубокую проработку темы исследования, Андрей Шмелев (Юридический институт ВлГУ) – за проявленную эрудицию, а также Мария Кулакова (Институт экономики и менеджмента ВлГУ) – за лучшую презентацию.

В секции «Истоки традиции прав человека, парламентаризма и верховенства права в Великой хартии вольностей» победили студентки 1-го курса Юридического института ВлГУ Ксения Лазарева и Татьяна Киргизова, исследовавшие морально-нравственные и правовые аспекты клонирования человека. Второе место заняли первокурсницы из Юридического института ВлГУ Яна Ючмарова и Алина Титова с работой «Соотношение права на неприкосновенность частной жизни и свободы слова (на примере конфликта вокруг французского сатирического журнала “Charlie Hebdo”)». Третье место разделили студентки 2-го курса Института экономики и менеджмента ВлГУ Наталья Малькова и Мариам Петросян, тема исследования «Обеспечение права на образование в РФ».

Дипломов удостоены: команда курсантов ВЮИ ФСИН России под руководством А. В. Шагушиной – за творческий подход к ведению академической дискуссии, студентка 2-го курса Юридического института ВлГУ Елена Модина – за глубокое теоретическое исследование, студентки 1-го курса Юридического института ВлГУ Ирина Барышникова и Мила Жаббарова – за самостоятельно проведенное социологическое исследование, а

также студентки Института экономики и менеджмента ВлГУ Татьяна Грачева и Марина Титова – за творческую самостоятельность и оригинальный подход к решению научной проблемы, студентка Гуманитарного института ВлГУ Гаяне Товмасян – за самое эмоциональное выступление.

Грамотами за большой вклад в организацию и проведение конференции награждены первокурсницы из Юридического института ВлГУ Ирина Барышникова, Лаура Бабакехян и Мила Жаббарова (группа Юк-315), за активное участие в проведении социологического исследования «Студент и его

права» – Алина Шаклеина (группа Юк-315). По итогам конференции будет опубликован сборник студенческих научных работ.

21 декабря состоялась экскурсия наиболее активных участников проекта в Музей и общественный центр им. А. Д. Сахарова (г. Москва). Ребята узнали многое о правах человека и истории борьбы за них в нашей стране, диссидентском движении, жизни и деятельности выдающегося правозащитника Андрея Сахарова.

Благодарим всех, кто участвовал и помогал в реализации проекта!

Баженова Елена Альбертовна,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Владимирского государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
кандидат юридических наук
E-mail: yelenabazhenova0304@gmail.com

Бубнова Юлия Геннадьевна,

старший преподаватель
кафедры управления и административно-правовых дисциплин
Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
кандидат юридических наук
yuliya-bubnova@mail.ru

Гюльвердиев Раму Бейукханович,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Владимирского государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: rm1002@mail.ru

Долгушева Светлана Юрьевна,

курсант 3-го курса Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
E-mail: Svetlana.kalashnikova94@mail.ru

Колягин Александр Леонидович,

курсант 2-го курса Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
E-mail: qsanekp@gmail.com

Колесникова Юлия Павловна,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
E-mail: kjuliank@mail.ru

Кудрявцев Алексей Вадимович,

декан факультета права
Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент
E-mail: kudriavcev.ru@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кудрявцева Нина Евгеньевна,

преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
E-mail: nina.kudriavceva@mail.ru

Лепёшин Дмитрий Александрович,

судья Владимирского областного суда,
доцент кафедры судебной деятельности Юридического института
Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: vlsu-cdo@yandex.ru

Лепёшина Наталья Викторовна,

ассистент кафедры финансового права и таможенной деятельности
Юридического института
Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
e-mail: vlsu-cdo@yandex.ru

Овчинникова Юлия Владимировна

старший преподаватель кафедры государственного права и управления
таможенной деятельностью Юридического института Владимирского
государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: y.v.ovchinnikova@mail.ru

Пикин Иван Викторович,

доцент кафедры уголовного права и криминологии Владимирского
юридического института Федеральной службы исполнения наказаний
кандидат юридических наук
E-mail: vipikin@mail.ru

Сорокин Михаил Владимирович,

старший преподаватель кафедры организации режима и надзора
Владимирского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
E-mail: sorokinmike@mail.ru

Сорокина Ольга Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Юридического института Владимирского государственного
университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: sorokinaboss@mail.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Третьякова Ольга Дмитриевна,

директор Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

доктор юридических наук, доцент

E-mail: o_tretjakova@mail.ru

Филимонова Анастасия Игоревна,

доцент кафедры теории и истории государства и права

Юридического института Владимирского государственного университета

им. А. Г. и Н. Г. Столетовых

кандидат юридических наук

E-mail: filimonova_ai508@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Bazhenova Helena Albertovna,
Assistant Professor of Theory and History
of State and Law Department
of Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
PhD (Law)

Bubnova Iuliia Gennad'evna,
Senior Lecturer of Management
and Administrative Law Department
of Vladimir Law Institute of the FPS of Russia
PhD (Law)

Giul'verdiev Ramu Beiukhanovich,
Post-graduate Student of Theory and History of State and Law Department
of Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs

Dolgusheva Svetlana Iur'evna,
Cadet 2 Course
of Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

Koliagin Alexander Leonidovich,
Cadet 2 Course
of Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

Колесникова Юлия Павловна,
Post-graduate Student of Research
and Teaching Staff Training Faculty
of Vladimir Law Institute of the FPS of Russia

Kudryavcev Aleksei` Vadimovich,
Dean of the Faculty of Law
of Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration
Doctor of Law, Associate Professor

Kudryavceva Nina Evgen'evna,
Lecturer of Criminal Procedure and Forensic Studies Department of Vladimir Law In-
stitute of the FPS of Russia

ABOUT THE AUTHORS

Lepyoshin Dmitrii` Alexanderovich,
*Judge of Vladimir Regional Court, Assistant Professor
of Judicial Activity Department
of Law Institute of Vladimir State University named after A. G.
and N. G. Stoletovs*

Lepyoshina N. V.,
*Assistant Lecturer of Financial Law
and Management of Customs Activities Department
of Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs*

Ovchinnikova Yu. V. ,
*Senior Lecturer of Public Law and Management of Customs Activities Department
of Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs*

Pikin Ivan Victorovich,
*Assistant Professor of Criminal Law
and Criminology Department
of Vladimir Law Institute of the FPS of Russia
PhD (Law)*

Sorokin Mihail Vladimirovich,
*Senior Lecturer of Regime
and Supervision Department
of Vladimir Law Institute of the FPS of Russia*

Sorokina Ol`ga Evgen`evna,
*Senior Lecturer of Theory and History
of State and Law Department
of Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs*

Tret`yakova Ol`ga Dmitrievna,
*Director of Law Institute
of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
Doctor of Law, Associate Professor*

Filimonova Anastasiia Igorevna,
*Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department
of Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs
PhD (Law)*

Материалы могут быть представлены в редакционную коллегию лично, по почте (600005, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8, каб. 203) или по электронной почте vestnikvlg.u.pravo@mail.ru.

Автор представляет в редакцию:

- подписанную рукопись, выполненную в соответствии с правилами оформления рукописи;
- электронный вариант рукописи;
- сведения об авторе;
- согласие на обработку персональных данных;
- автор, не имеющий ученой степени доктора наук, представляет рецензию, подписанную доктором наук.

1. Рукопись предоставляется в отпечатанном на бумаге формата А4 (210x297 мм) виде с приложением электронного варианта в формате MS WORD на электронном носителе (CD).

2. Рукопись должна быть оформлена в строгом соответствии с требованиями ГОСТ 7.89–2005 «Оригиналы текстовые, авторские и издательские. Общие технические требования» и ГОСТ Р 7.0.7–2009. «Статьи в журналах и сборниках. Правила оформления».

3. Комплектность рукописи:

- 1) Код УДК;
- 2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, название организации – места работы, должность (полностью), ученая степень, ученое звание (при наличии)) (на русском и английском языках);
- 3) название статьи (на русском и английском языках);
- 4) ключевые слова (на русском и английском языках);
- 5) аннотация рукописи (на русском и английском языках);
- 6) основной текст (на русском языке);
- 7) библиографический список (оформляется по ГОСТ Р 7.1 – 2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления») (на русском и английском языках).

4. Авторский оригинал должен быть подписан автором (авторским коллективом) на титуле (подпись свидетельствует о том, что именно этот вариант прочитан автором и считается единственно верным) и пронумерован без пропусков страниц, включая рисунки, приложения и т. д.

5. Требования к набору текста на компьютере:

- основной текст – кегль 14-й, дополнительный – не ниже 12-го;
- рукопись представляется в одном экземпляре, отпечатанном на одной стороне писчей бумаги белого цвета формата А4;
- интервал между строками – полуторный;
- гарнитура шрифта Times New Roman;
- набор осуществляется в программе MS WORD или ее аналоге.

6. Оттиск шрифта черный, четкий (не допускается использование режима экономии тонера).

Абзацный отступ – 1,25 см.

Поля: верхнее, нижнее, левое и правое – 2,5 см.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Заголовки и подзаголовки печатаются прописными и строчными буквами (без подчеркивания и выделений в разрядку), отделяются от текста сверху и снизу одним интервалом.

Сноски должны быть постраничными, напечатаны через один интервал, пронумерованы и отделены от основного текста горизонтальной чертой.

7. Формулы. Высота букв формул должна соответствовать высоте кегля основного текста. Латинские буквы набираются курсивом (с наклоном), русские, греческие – прямым шрифтом. Между формулой и текстом должен быть обычный межстрочный интервал. Индексы набираются 12-м кеглем.

8. Таблицы. Текст таблиц набирается 12-м кеглем и распределяется равномерно по всему полю графы так, чтобы он не выходил за ограничивающие ее линии. Боковик таблицы должен быть отпечатан с соблюдением соподчиненности строк.

Числа (как в основном тексте, так и в тексте таблиц), имеющие более четырех знаков, должны подразделяться на разряды (по три цифры в каждом) с интервалом в один знак, за исключением чисел, обозначающих номера и даты.

Примечания и сноски к таблице должны быть напечатаны непосредственно под ней и обозначены звездочками.

9. Приводимый в рукописи фактический материал: описание событий, даты, статистические данные, собственные имена, термины, выдержки из нормативных актов и т. п., – автор (авторский коллектив) обязан выверить по официальным источникам. При обращении к нормативному акту необходимо указать его название, вид (закон, указ, постановление и т. д.), наименование органа государственной власти, его издавшего, дату подписания и номер. Загромождение текста большим количеством цитат не допускается.

10. Ссылки на работы, используемые автором, должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и не должны превышать 1/3 текстового материала, содержащегося на данной странице.

11. Образцы оформления ссылок и пристатейных списков литературы см.: http://elibrary.ru/projects/events/conf_vak_rinc/icons/Regl.pdf